

Книга имеет:

Печатных листов	Выпуск	В переплетн. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №	Накладн. исписка
5		1861				707	 115 <hr/> 688

~~7-186~~

801-94
7650-7

92^a
65

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ПО ПАМЯТНИКАМЪ.

ОКЛАДЪ МСТИСЛАВОВА ЕВАНГЕЛІЯ.

РАЗБОРЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ФНИФТЕЙ ВЪ РОССІИ.

СОЧИНЕНІЕ

Т. Филимонова.

[В 2]

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1861

цѣна 6 рубли

Изъ «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей
Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1860 года.»

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Марта 23-го дня, 1861 года.

Цензоръ Гиллровъ-Платоновъ.

1861

2011142298

38468-0

ОКЛАДЪ

МСТИСЛАВОВА ЕВАНГЕЛІЯ.

Хранящееся въ ризницѣ Московскаго Архангельскаго собора,¹ харатейное Новгородское евангеліе, называемое по имени своего перваго обладателя и складчика въ Благовѣщенскую церковь (1103 г.), Великаго Князя Мстислава Владиміровича, Мстиславовымъ, считается до сихъ поръ вторымъ памятникомъ Славяно-Русской письменности. Отъ древняго своего благолѣпія оно сохранило только украшеніе верхней доски переплета, которое собственно и составляетъ его окладъ и предметъ нашего изученія. Снятые съ этого оклада рисунки отпечатаны красками и изданы уже два раза, именно: въ «Памятникахъ Московской древности,» и въ «Древностяхъ Россійскаго Государства.» Но они не удовлетворяютъ вполне требованіямъ Археологіи. То же должно сказать и о сдѣланныхъ до сего времени описаніяхъ этого оклада. Введенные въ заблужденіе находящеюся въ концѣ евангелія припиской, изслѣдователи отнесли происхожденіе всѣхъ вообще разнородныхъ украшеній его, по мѣсту проис-

¹ Мы указали на Московскій Архангельскій соборъ, какъ на мѣсто постоянного храненія Мстиславова евангелія; не знаемъ, по чему другіе назначаютъ ему Благовѣщенскій соборъ: такъ Архимандритъ Макарій во II томѣ своихъ Новгородскихъ Церковныхъ древностей, на стр. 167, говоритъ, что оно находится теперь въ Московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ; не по тому ли, что г. Забѣлинъ въ Историч. обзор. Финн. ценн. дѣла въ Россіи, общаясь отмѣчать мѣста нахождения памятниковъ, имъ исчисляемыхъ, забылъ сдѣлать это при указаніи Мстиславова евангелія? См. стр. 57, въ выноскѣ къ оглавленію списка памятниковъ и описанія оклада.

хожденія, Константинополю, по времени, XII столѣтію. Отъ поверхности взглядовъ на этотъ памятникъ произошли не точные выводы для цѣлой науки, которые повторяются въ каждомъ сочиненіи, касающемся или этого памятника, или исторіи производствъ, металлическаго и финифтянаго. Замѣчательнѣйшій не только между окладами, но и вообще между памятниками Русской древности, окладъ Мстиславова евангелія до сихъ поръ нуждается въ приличной археологической оцѣнкѣ. Мы постараемся, по силамъ, удовлетворить этой потребности; но, прежде всего, чтобы избѣжать нареканій въ несправедливости обвиненій нашихъ предшественниковъ, мы приведемъ до слова составленныя ими описанія того же памятника, и рассмотримъ степень ихъ достовѣрности. Въ текстѣ г. Снегирева къ двумъ упомянутымъ выше рисункамъ мы находимъ объ окладѣ почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ слѣдующее: «Рукопись эта, драгоценная въ палеографическомъ отношеніи, не менѣе важна и въ художественномъ, по своему окладу древней, можетъ быть, современной ей работы. Доски евангелія покрыты съ лица золотою сканью съ 12 мусійными клеймами, на коихъ изображены разныя святыни съ середникомъ, наикоемъ навеленъ Мусіею или Спасителемъ, окруженнаго четырьмя евангелистами, двумя архангелами и двумя серафимами. Подписи Греческія и Славянскія. ¹ Окладъ убранъ драгоценными камнями и жемчугомъ. Судя по древности и стилю, можно предполагать, что списатель, во время пребыванія своего въ Константинополѣ, украсилъ трудъ свой греческимъ дѣломъ, на иждивеніе Князя Мстислава!»

Не станемъ долго останавливаться на этомъ описаніи. Всякій знающій дѣло, пойметъ и безъ насъ, на сколько подобнаго рода ¹ Древн. Рос. Госуд., отдѣл. I, стр. 112—113. Эти строки почти до слова повторяются изъ Памятниковъ Московской древности (стр. 78); но тамъ представляють, кромѣ того, еще замѣчательный варіантъ, замѣняющій послѣднюю фразу: Греческой работы и съ Греческими надписями; въ изданіи Древностей Россійскаго Государства тотъ же авторъ замѣчаетъ уже, что на окладѣ есть надписи и Славянскія.

гадательное, противорѣчивое описаніе годно и достойно древняго памятника сканнаго дѣла, сохранившаго, кромѣ того, цѣлое собраніе финифтяныхъ произведеній Греко-Русской иконографіи; и потому, не вдаваясь до времени въ подробный разборъ его, обратимъ вниманіе только на самыя неточныя опредѣленія и предположенія автора, которыя, какъ увидимъ на дѣлѣ, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть допущены; именно: 1) что окладъ съ его украшениями можетъ быть современный написанію рукописи; 2) что онъ сдѣланъ писателемъ въ Константинополѣ, о чемъ будто бы можно судить по его древности и стилю; 3) что онъ Греческаго дѣла, не смотря на Славянскія на немъ надписи; 4) что доски его (а не одна верхняя доска) покрыты съ лица сканью; 5) что скань эта золотая; 6) что камни драгоценныя; 7) что всѣхъ клеймъ или отдѣльныхъ запонъ съ изображеніями, кромѣ Спасителя, 12.

Перейдемъ къ сочиненію другаго автора, къ спеціальному, по финифтяному производству, труду г. Забѣлина, отъ котораго мы въ правѣ ожидать болѣе подробнаго и самостоятельнаго разбора памятника. Его монографія, «Историческое обозрѣніе финифтянаго и ценнаго дѣла въ Россіи,» представляетъ замѣчательное явленіе въ Русской археологической литературѣ, служитъ существеннымъ матеріаломъ и для исторіи нашего памятника, но со стороны описанія его не удовлетворяетъ ни современнымъ требованіямъ, ни значенію самаго памятника. Уже г. Гёрцъ, въ своемъ историческомъ очеркѣ Византійской эмали,¹ замѣтилъ слабую сторону сочиненія г. Забѣлина, говоря, что «въ его описи вообще не опредѣлены точно ни эпоха исчисленныхъ эмалей, ни художественный ихъ характеръ.» Заявляя согласіе съ замѣчаніемъ Профессора, въ слѣдствіе убѣжденія на опытѣ въ справедливости его приговора, мы не думаемъ тѣмъ унижить значенія уважаемаго нами труда г. Забѣлина, и относимъ недомолвки его къ неразработанности Русской Археологіи. При

¹ Лѣтописи Русской литературы и древности, кн. I, за 1839 годъ, стр. 38.

совершенномъ почти отсутствіи монографіи, посвященныхъ отдѣльнымъ изданіямъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ, въ каждомъ историческомъ сочиненіи о какомъ либо производствѣ ремесла или искусства, мы, по необходимости, должны встрѣтить то же самое. Въ настоящую пору всего полезнѣе для науки изданіе и описаніе отдѣльныхъ памятниковъ Русской древности. Это-то сознаніе вызвало и насъ на попытку описать, по крайнему разумѣнію, окладъ Мстиславова евангелія.

Слѣдуя принятому нами плану, представимъ описаніе оклада, сдѣланное г. Забѣлинымъ въ его указатель памятниковъ финифтянаго дѣла, тѣмъ болѣе, что оно также не слишкомъ обширно. Въ списокѣ памятниковъ Византійскаго и древнѣйшаго Русскаго производства, мы находимъ первымъ окладъ Мстиславова евангелія.

«1. Окладъ евангелія, писаннаго въ началѣ XII вѣка для Новгородскаго Князя Мстислава Владиміровича (1125). Окладъ украшенъ золотымъ сканнымъ разводомъ и финифтяными цатами, одною большою въ серединѣ и двѣнадцатью малыми по сторонамъ и угламъ. Въ средней цатѣ изображенъ Спаситель, по сторонамъ два архангела, Михайлъ и Гавріиль, по угламъ изображены четыре евангелиста, вверху херувимъ, внизу серафимъ. Въ верхней четверугольной цатѣ оклада изображена св. Трапеза «Престоль Господень.» Въ остальныхъ цатахъ изображены Божія Матерь и

¹ Историч. обозр. Фин. и ценн. дѣла въ Рос. стр. 57. Страннымъ образомъ мы нашли въ недавно вышедшемъ сочиненіи Архимандрита Макарія, «Археологическое описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ и его окрестностяхъ», часть II, стр. 167, дословную копию того же описанія, безъ прямаго указанія источника, съ замѣченною нами въ двухъ мѣстахъ разницею, именно: вмѣсто словъ «въ средней цатѣ» у Забѣлина, сказано у Макарія на серединкѣ; вмѣсто «изображена св. трапеза», вѣроятно опечаткою, Св. Троица (!) На той же страницѣ, въ 80 примѣчаніи, поясняющемъ изображеніе четырехъ евангелистовъ того же оклада сказано: «изъ евангелистовъ, Лука изображенъ съ тельцемъ, какъ и въ Остромировомъ евангеліи и въ другихъ древнѣйшихъ памятникахъ», тогда какъ символы въ натурѣ не существуютъ ни при одномъ изъ изображенныхъ здѣсь евангелистовъ, а объясненіе Архимандрита должно, по видимому, относиться къ изображеніямъ въ текстѣ евангелія.

Апостолы, а по угламъ святыя съ четвероконечными крестами въ правыхъ рукахъ. Сканный разводъ мѣстами украшенъ также финифтью, въ видѣ решевъ и листочковъ. Финифть употреблена разныхъ цвѣтовъ, но болѣе другихъ синяя, червленая, зеленая и блѣдно-голубая также подъ цвѣтъ тѣла. Изъ приписокъ, находящихся въ концѣ евангелія, узнаемъ, что оно написано Алексоемъ Лазаревымъ, сыномъ Пресвитера, а украшено богатымъ окладомъ въ Царьградѣ, куда его возилъ по приказанію Князя какой-то Наславъ.»

Сличивъ весь текстъ этого описанія съ приведеннымъ выше изъ «Древностей Россійскаго Государства» легко понять, какой изъ нихъ въ археологическомъ отношеніи имѣетъ болѣе значенія; но сравнивъ оба съ самымъ памятникомъ, невольно приходишь къ заключенію, что то и другое описаніе исполнено не съ памятника, а съ рисунка. Конечно, трудно объяснить, какимъ образомъ, при всѣмъ извѣстной доступности изученію этого памятника, могло встрѣтиться подобнаго рода обстоятельство, между тѣмъ на повѣрку выходить, что оно именно такъ. Отъ чего, на примѣръ, могли произойти слишкомъ рѣзкіе недосмотры въ наглядно видныхъ частяхъ памятника? Невниманіемъ къ предмету объяснить ихъ мы не рѣшаемся, еще менѣе отсутствіемъ археологическаго такта и свѣдѣній въ авторѣ, труды котораго мы привыкли уважать. Посвятившій себя спеціальному изслѣдованію по исторіи финифтянаго производства, при ближайшемъ знакомствѣ съ самымъ памятникомъ, не могъ не замѣтить, что окладъ украшался разновременно, что на немъ есть финифти совершенно различнаго между собою характера и времени, что на окладѣ, кромѣ разновременныхъ Византійскихъ финифтей, есть и чисто Русскія, даже съ Русскими надписями XVI столѣтія, что, слѣдовательно, всѣхъ финифтей его никакъ нельзя относить къ одному періоду XII вѣка, что сканный разводъ украшенъ вовсе не финифтью, а просто красками, что скань на окладѣ не золотая, а серебряная вызолоченная, наконецъ, что вмѣсто 13-ти отдѣльныхъ дощечекъ съ финифтями, ихъ на лицо 14, потому что изображеніе Спасителя, помѣщается на особой дощечкѣ и рѣзко отличается по

работъ отъ финифтяныхъ изображеній, того окружающихъ и помѣщенныхъ на особой четырнадцатой дощечкѣ. Впрочемъ, и по рисунку можно бы было видѣть почти все это; напрасно же г. Забѣлицъ въ своемъ указателѣ памятниковъ замѣчаетъ, что онъ имѣлъ случай всѣ неисчисленные имъ памятники финифтянаго дѣла обозрѣвать лично. ¹

Обозрѣвая памятники Московской древности, съ соизволенія Общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, мы познакомились съ окладомъ Мстиславова евангелія еще въ 1848 году и тогда же составили о него подробное описаніе; въ настоящее же время только возобновили старое знакомство съ этимъ памятникомъ и, сличивъ составленное нами въ то время описаніе съ послѣдними изслѣдованіями и рисунками, представляемъ читателямъ результаты нашего труда по этому вопросу. Надѣемся, что интересующіеся дѣломъ читатели не упрекнутъ насъ ни за подробности, которыя, какъ извѣстно, весьма важны въ археологическомъ описаніи, ни за смѣлость нашихъ выводовъ, которые, въ свою очередь, могутъ быть оправданы временемъ, во всякомъ же случаѣ поведутъ къ окончательному вѣрному воззрѣнію на рассматриваемый нами памятникъ.

¹ Истор. Обзоръ фин. и цен. дѣла въ Рос., стр. 56.

Верхняя доска переплета Мстиславова Евангелія (7 1/2 вершк. длиною, 6 3/4 шириною) обложена сверху и съ трехъ боковыхъ сторонъ ея серебряною, густо позолоченною, совершенно плоскою¹ сканью изъ Греческихъ завитковъ. Рисунокъ боковой скани крупнѣе, выпуклѣе и можетъ даже другого времени. Сохранившіеся отъ застежекъ крючки, золотые. По сканному разводу оклада сдѣланы крестообразно 13 выемокъ, въ которыя вставлены на отдѣльныхъ золотыхъ дощечкахъ финифтяныя изображенія различнаго размѣра, различнаго характера и времени. Рамку всего оклада и каждое изображеніе отдѣльно составляютъ углубленные же въ скани ложбинки или дорожки съ небольшими среди нихъ колечками, въ которыя продергивалась золотая проволока, съ жемчугомъ, сохранившимся только вокругъ нѣкоторыхъ изображеній. Кромѣ всего этого окладъ украшенъ разставленными между изображеніями камнями. Они весьма не высокаго достоинства, нѣкоторые даже просверлены и, слѣдовательно, очевидно, занесены сюда изъ другихъ памятниковъ. Будучи всажены въ золотые репейки, сбоку украшенные сканью, они состоятъ изъ 6-ти жемчужныхъ раковинъ, 2-хъ просверленныхъ блѣдно-синихъ яхонтовъ, 2-хъ просверленныхъ же венисъ, 2-хъ кусковъ подцвѣченнаго подъ аметистъ и синей яхонтъ стекла, изъ просверленнаго блѣдно-розоваго яхонта, 3-хъ бирюзъ, 4-хъ гранатъ, 2-хъ синихъ яхонтовъ и аметистовой коры. Покрашенные въ нѣкоторыхъ мѣстахъ углубленія въ скани представляютъ крестообразныя украшенія, рейшечки, кружечки и проч.

Финифтяныя клейма расположены посреди оклада въ видѣ особой формы Греческаго креста съ подножіемъ, равнымъ возглавию . . . или въ видѣ четырехугольника, кромѣ того, по угламъ оклада. Середникъ образуетъ большая, золотая, съ двойною финифтяною каймою, унизанная жемчугомъ запона, въ средину которой

¹ Мы назвали такъ скань эту по тому, что она сплошная, имѣетъ весьма незначительное возвышеніе надъ уровнемъ основанія, съ виду даже вовсе не накладная, подходит скорѣе къ оброчной работѣ, чѣмъ къ чистой сканной. Въ памятникахъ сканнаго дѣла весьма рѣзко отличаются скань совершенно плоская и выпуклая или накладная. Последняя состоитъ изъ жгутиковъ, мѣстами вовсе отдѣляющихся отъ основанія, къ которому только по концамъ она утверждена, на пр., въ нѣкоторыхъ запонахъ Рязанскихъ бармъ, но о различныхъ видахъ скани мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

вставлено на отдѣльной отъ нея дощечки кивотцемъ изображеніе пояснаго благословляющаго Спаса, по сторонамъ сего, на заповѣ, два стоящихъ архангела, вверху херувимъ, внизу серафимъ, тутъ же, по угламъ, поясные въ финифтяныхъ кругахъ евангелисты. По обѣ стороны заповѣ на двухъ отдѣльныхъ квадратныхъ дощечкахъ поясныя изображенія: Богоматери, вокругъ коей сохранилась жемчужная кайма или обнизь, и Иоанна Предтечи. Оба изображенія изъ Деисуса. На квадратахъ же, въ верхнемъ концѣ креста изображенъ Престоль Господень, а въ возглавіи креста, поясные верховные апостолы, Петръ и Павелъ. Каждый изъ пяти квадратовъ прибитъ къ основанію четырьмя позолоченными штифтами. Жемчужная обнизь сохранилась еще только вокругъ послѣдняго. Въ подножіи креста, на двухъ продолговатыхъ четырехугольникахъ, изъ коихъ каждый прибитъ къ окладу шестью золочеными штифтами, изображены стоящіе апостолы Іаковъ и Варооломей — оба съ сохранившеюся жемчужною обнизью. Нижній конецъ креста и четыре угла оклада заняты изображеніями поясныхъ святыхъ мучениковъ, съ крестами въ правой рукѣ. Они помѣщены тоже на золотыхъ дощечкахъ кивотцами, какъ и изображеніе Спасителя, одинаковаго размѣра и прибиты къ доскѣ такимъ же количествомъ штифтовъ. Жемчужная рамка сохранилась только на среднемъ клеймѣ нижней линіи оклада. Подробнымъ разборомъ всѣхъ этихъ изображеній мы займемся далѣе, а здѣсь обратимся къ внѣшней ихъ формѣ.

Мы уже замѣтили, что 13 клеймъ съ финифтяными изображеніями, кромѣ заповѣ середника, составляющей собою рамку или окладъ для помѣщающагося посреди образа Спасова, по формѣ своей распадаются на три главныхъ отдѣла. Въ одномъ 6 изображеній кивотцами, въ другомъ 5 квадратовъ наконецъ въ третьемъ только 2 продолговатыхъ четырехугольника. Это, по видимому, внѣшнее отличіе изображеній между собою имѣетъ весьма важное значеніе для опредѣленія характера финифтей, времени, къ которому они относятся, и въ которое окладъ евангелія былъ ими украшенъ, даже мѣста ихъ первоначальныхъ находеній; но, кромѣ формата дощечекъ есть другіе признаки, которые, сближая общія изображенія одного отдѣла, полагаютъ рѣзкую грань отдѣловъ между собою. Первое, что бросается въ глаза, при сравненіи финифтей разнаго формата, это совершенное отсутствіе надписей на шести изъ нихъ, присутствіе Русской надписи между Греческими на пяти, наконецъ

явленіе совершенно другаго характера Греческихъ надписей на двухъ остальныхъ и Русской на окладѣ середника. Если же сравнить финифти особыхъ отдѣловъ между собою, то мы найдемъ въ нихъ слѣдующія особенности: окладъ середника украшенъ финифтями съ Русскими надписями XVI столѣтія, изъ 5-ти квадратныхъ финифтей, на четырехъ надписи Греческія одного характера и времени, съ ошибочнымъ правописаніемъ, исполнены по обѣ стороны изображеній, на особыхъ узенькихъ золотыхъ же полоскахъ, на которыхъ буквы вырѣзаны изъ металла, поле же залито финифтью свѣтло-голубаго цвѣта; всѣ они вертикальныя, кромѣ сокращенной надписи или монограммы Богоматери; буквы, по видимому, безразлично помѣщены въ одинъ и два столбца, потому что у нѣкоторыхъ изображеній встрѣчается и то и другое вмѣстѣ; наконецъ, на пятомъ изображеніи этого отдѣла встрѣчаемъ Русскую надпись, исполненную красною финифтью среди сдѣланныхъ для того углубленій. Въ Русской археологій еще мало обращали вниманія на характеръ начертанія буквъ по памятникамъ или на археологическую палеографію въ тѣсномъ смыслѣ и потому этимъ средствомъ трудно рѣшить окончательно, къ какому времени относится надпись; но по содержанію рисунка, его исполненію, даже по невозможности сдѣлать подобнаго рода надпись послѣ окончанія работы финифти, безъ особаго риска для ея рисунка, наконецъ по формѣ буквъ, подходящихъ къ почерку самаго евангелія, по всему этому вмѣстѣ, мы имѣемъ право заключить въ пользу древности этой финифти, и отнести начало ея къ XII вѣку, хотя надпись ея скорѣе горизонтальная, чѣмъ вертикальная: потому что двѣ только буквы поставлены здѣсь сверху внизъ, и то, очевидно, по недостатку мѣста. Наконецъ надписи, сдѣланныя на двухъ продолговатыхъ четверугольникахъ, отличаются отъ всѣхъ и своею общою формою, и формою буквъ, и правописаніемъ. Они вертикальныя и исполнены на отдѣльныхъ, весьма узенькихъ, пластинкахъ мелкими золотыми буквами по землѣ красной финифти. Не смотря на то, что надписи эти сохранились хуже другихъ (одна полоска оторвана почти совершенно), читаются съ большимъ трудомъ; но по характеру ихъ, правильности, по характеру самыхъ изображеній, которымъ они сопутствуютъ, мы безошибочно отнесемъ ихъ къ древнѣйшимъ Греческой работы надписямъ изъ всего собранія эмалей на евангеліи. Конечно, по одному только различію формата изображеній, различному начертанію буквъ, еще нельзя притти къ

весьма важнымъ заключеніямъ, по всѣмъ этимъ признакамъ нельзя даже рѣшить того, что окладъ не одного времени съ изображенными на немъ какими нибудь финифтями; но и по этимъ признакамъ уже можно, по крайней мѣрѣ, прійти къ заключенію въ пользу того, что памятникъ украшался разновременно; что на немъ не всѣ финифти получили мѣста свои въ то время, когда онъ былъ приготовленъ; что, напротивъ, нѣкоторые изъ нихъ позднѣйшаго дѣла, другія древнѣйшаго; что послѣднія ни въ какомъ случаѣ не были первоначально приготовлены для оклада, а имѣли свое особое назначеніе. На все это, какъ мы замѣтили, указываетъ и самая случайность окончательной разстановки различнаго характера изображеній, при которой, между прочимъ, имѣлась въ виду форма креста, весьма рѣдко встрѣчающаяся на древнѣйшихъ памятникахъ.

Кромѣ всего этого есть рѣшительныя основанія предполагать, что на цѣломъ окладѣ, если отнести изготовленіе его къ XII вѣку, нѣтъ ни одной финифти, сдѣланной въ одно время съ приготовленіемъ самаго оклада и для него собственно. Подробный разборъ финифтей, ближайшее изученіе ихъ разнохарактерныхъ рисунковъ, различнаго способа производства, докажутъ намъ окончательно, что всѣ они далеко не одного времени, что между ними есть финифти, двумя столѣтіями опередившія написаніе евангелія, и такія, которыя исполнены четыре съ половиною столѣтія послѣ написанія; что финифти, явившіяся на окладѣ первыми, ближайшія ко времени написанія рукописи и, быть можетъ, изготовленію первоначальнаго оклада, уже до того времени существовали на другихъ памятникахъ.

Но для разясненія вопросовъ о времени, къ которому мы можемъ отнести приготовленіе оклада и его украшеній, и о мѣстѣ, гдѣ то и другое исполнено, попробуемъ обратиться къ письменнымъ свидѣтельствамъ. Извѣстно, что всѣ сохранившіяся объ этомъ свѣдѣнія находятся при томъ же евангеліи и ограничиваются двумя приписками въ началѣ и въ концѣ текста. Это тѣ самыя свѣдѣнія, которыя, будучи поверхностно поняты, породили произвольныя, превратныя толкованія, какъ о времени написанія рукописи, такъ и о времени и мѣстѣ приготовленія оклада и его украшеній. Уже прежде мы имѣли случай замѣтить, какъ произвольно приурочили евангелію этому 1125 годъ; теперь намъ остается сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ несправедливо отнесли всѣ финифти его оклада

къ XII вѣку, какъ неосновательно приписывали наложеніе ихъ Константинополю и какому-то писателю. Приведемъ для того важнѣйшее мѣсто послѣловія и рассмотримъ, какъ оно было понято.

«Азъ ракъ бѣни недостонныи, хоудни, грѣшныи, сънѣсахъ памяти дѣла црѣи нашемоу и лждемъ о съконьчаньи еѣа, еже башеть казаль мѣстиславъ кѣназь хоудомоу наславоу. и възникъ црѣюгородоу и оууннихъ хинипеть. бѣіею же колесоу възвратихъса нсѣ црѣагорода и съправихъ кѣсе злато и сребро и драгыи камень, пришедъ кѣиевоу, и съконьхася кѣсе дѣло мѣа августа къ .ѣ. црѣноу же евангелиа сего іедниѣ бѣ къдаіе.»

Для полноты дѣла замѣтимъ, хотя вскользь, что изъ словъ сънѣсахъ памяти дѣла и проч. г. Снегиреву угодно было вывести писателя. ¹ Упоминающій о себѣ въ послѣдствіи Наславъ вовсе не былъ писателемъ, т. е., переписчикомъ рукописи: онъ только приписалъ на ней, записалъ для памяти, по приказанію Князя, объ украшеніи рукописи, и потому выраженіе: «писатель украсилъ трудъ свой Греческимъ дѣломъ» считаемъ неумѣстнымъ, затемняющимъ настоящій смыслъ послѣловія и всего дѣла. На столько же несостоятельнымъ намъ показалось тутъ же другое сужденіе г. Снегирева относительно Греческой работы всѣхъ украшеній оклада. «Судя по его древности и стилю, можно предполагать, что писатель, во время пребыванія своего въ Константинополѣ, украсилъ трудъ свой Греческимъ дѣломъ.» Именно по всѣмъ этимъ признакамъ, мы приходимъ къ совершенно противоположному заключенію, и если остается здѣсь еще малѣйшее сомнѣніе, то развѣ только въ указаніи послѣловія на пребываніе евангелія въ Константинополѣ, но и это обстоятельство, при ближайшемъ разсмотрѣніи текста послѣловія и изученіи характера украшеній, легко устраняется. Уже отъ наблюдательнаго взора г. Снегирева не укрылось, что надписи на окладѣ Греческія и Славянскія. Какимъ же образомъ весь окладъ заурядъ относить Греческому дѣлу? Г. Забѣлинъ относительно происхожденія оклада одного мнѣнія съ г. Снегиревымъ, по основаніе его

¹ Древнѣйшая форма сънѣсахъ, перейдя и въ позднѣйшую списахъ, все таки употребляется въ значеніи написалъ, а не списалъ. Припомнимъ для примѣра хотя: се же списахъ азъ грѣшныи о житии и погублении святую» и проч., изъ Несторова «Чтенія о житии Бориса и Глѣба», по издан. Общ. Истор. и Древн. Росс., 1859, кн. I, стр. 12.

положительнѣе. Онъ говоритъ прямо, что «Евангеліе украшено богатымъ окладомъ въ Царьградѣ, куда его возилъ, по приказанію Князя, какой-то Наславъ.» Дѣйствительно, изъ послѣсловія видно, что евангеліе было въ Константинополѣ: «козникъ цѣюгородоу и оуѣннихъ химипеть.» За чѣмъ же возилъ его Наславъ въ Константинополъ? Слово химипеть, по толкованію г. Снегирева, принятому г. Забѣлинымъ, означаетъ поклоненіе. Странная цѣль поѣздки съ евангеліемъ! Въ слѣдъ за тѣмъ Наславъ говоритъ о возвращеніи своемъ въ Россію и потомъ, тутъ же, о совершеніи оклада: бѣннею же волею къзвратихся изъ цѣюгорода и съпранихъ късе злато и срекро и драгын камень. Если мы, вопреки требованія отъ Наслава логической послѣдовательности, предположимъ, что послѣднее дѣйствіе, т. е., украшеніе евангелія окладомъ совершено до его возвращенія изъ Царьгорода, то все таки, что изъ этого выйдетъ? Что евангеліе въ Константинополѣ украшено посредствомъ металла и камней, но не посредствомъ финифтей. О нихъ нѣтъ тутъ и поминя, и мы не въ правѣ допустить, ни случайнаго умолчанія со стороны приписчика, писавшаго по приказанію Князя, ни загадочнаго подразумѣванія финифтей подъ словами его «все», или «злато.» Для того періода, въ который сдѣланъ окладъ, и написано послѣсловіе, и то и другое, по нашему разумѣнію, невозможно. Строгое благочестіе того времени, священное значеніе памятника, наконецъ самое благочестивое настроеніе духа писавшаго, не могли допустить того, чтобъ, говоря о металлѣ и плохихъ камняхъ, писавшій не коснулся иконъ, если бъ они были на окладѣ въ то время; наконецъ самая цѣнность финифтей не допускаетъ этого умолчанія. Они стоили, безъ сомнѣнія, гораздо больше и металла и камней; между тѣмъ писавшій, придавая такую цѣну евангелію «цѣноу евангелиа сего іединъ бѣ въдде», и приводя менѣе цѣнные предметы, не упомянулъ бы драгоценнѣйшихъ его украшеній. Это рѣшительно невѣроятно, тѣмъ болѣе, что онъ писалъ для памяти, по приказанію Князя, и только объ одномъ украшеніи евангелія. Объ украшеніи финифтомъ не забывали сообщать между достопамятными событіями даже лѣтописцы. Вообще, въ толкованіяхъ текстовъ подобнаго рода самое простое чтеніе признается, какъ извѣстно, ближайшимъ къ истинѣ, и мы не считаемъ себя въ правѣ предполагать педомолвки тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, и дополнять текстъ своими вымыслами. Откуда же взяли, что окладъ всецѣлостно, въ томъ видѣ, въ которомъ онъ предстоить

нашему изученію, былъ сдѣланъ въ Константинополѣ? Это пущенное на удачу мифіе ученыхъ, которые не хотѣли взять на себя труда поближе ознакомиться съ самымъ памятникомъ, а описывали его прямо съ рисунка, основываясь исключительно на словахъ Наслава: «*козникъ црюгороду.*»

Послѣднимъ обстоятельствомъ, между прочимъ, объясняется и то, что никто изъ нихъ даже не коснулся приниски, сдѣланной на первыхъ страницахъ евангелія и объясняющей окончательную передѣлку оклада въ 1551 году, когда онъ украсился финифтями, приготовленными для того въ Новгородѣ.

За чѣмъ же возили евангеліе въ Константинополь? Не ужели для того только, чтобы покрыть его не хитрой работы серебряною сканною доскою, сдѣлать золотыя застѣжки, посадить плохихъ камней? Не ужели въ Россіи въ XII вѣкѣ не нашлось бы для того матеріала и мастеровыхъ? Такого рода предположенія, при настоящихъ успѣхахъ археологій, могутъ по справедливости казаться анахронизмами. За чѣмъ же возили его? Намъ остается искать рѣшеніе этого вопроса только въ одномъ темномъ мѣстѣ послѣсловія, въ томъ загадочномъ дѣлѣ, которое совершилъ Наславъ именно во время пребыванія своего въ Константинополѣ: «*и козникъ црюгороду и оууннихъ хмниеть.*» Послѣднее слово, говоритъ г. Снегиревъ, оставшееся доселѣ неизъясненнымъ, весьма вѣроятно происходитъ отъ *χαμπετέω*, преклоняюсь до земли, и значить поклоненіе. Во первыхъ, глаголь этотъ, сочиненный съ плохимъ знаніемъ Греческаго языка, если бы даже существовалъ въ словарѣ Греческаго языка въ этомъ значеніи, то отглагольное его едва ли могло имѣть смыслъ въ нашемъ послѣсловіи. Въ самомъ дѣлѣ, какое значеніе имѣеть мысль, что посланный Великимъ Княземъ въ Царьградъ везетъ евангеліе и совершаетъ поклоненіе, да еще какое, до земли? Царьградъ вѣдь не святыя мѣста и Иерусалимъ, чтобы туда ѣздить на поклоненіе. Его посѣщали Русскіе люди въ глубокую древность, но едва ли когда съ этою цѣлью. Во вторыхъ, глаголь *χαμπετέω* едва ли не составляетъ новѣйшаго изобрѣтенія, по крайней мѣрѣ, намъ не случилось встрѣтить его ни въ одномъ словарѣ, ни Древняго, ни Новогреческаго языка. Составныя его части, принаравливая ихъ къ толкованію г. Снегирева, должны быть *χαμαί* и *πέταννμι*; происходящія отъ него слова, употреблявшіяся въ Древне-Греческомъ, суть: прилагательныя *χαμαπετής*, *ές*, простертый на земли, и существитель-

ное *χαμαπέτεια*, означающее состояніе того же прилагательнаго, т. е., лежаніе на земли, распростертіе на земли, но не поклоненіе. Слѣдовательно, Греческое *α* и *αγ* измѣнилось въ Русское *и*. Далѣе положимъ, что химипеть означаетъ поклоненіе; какимъ образомъ согласить его съ управляющимъ имъ глаголомъ? Учинить въ древнемъ употребленіи, въ языкѣ нашихъ лѣтописей, означаетъ тоже, что справить, устроить, а не то, чтобъ просто совершить, сдѣлать, какъ стало употребляться въ послѣдствіи. Въ первоначальномъ значеніи оно относится преимущественно къ техническимъ производствамъ и составляетъ такимъ образомъ технической терминъ. Въ этомъ смыслѣ, между прочимъ, мы встрѣчаемъ его въ двухъ замѣчательнѣйшихъ по терминологіи мѣстахъ Ипатьевской лѣтописи, изъ которыхъ въ одномъ подъ 1175 годомъ, говоря о подвигахъ Андрея Боголюбскаго для украшенія Владиміра, лѣтописецъ прибавляетъ: «къ нему же врата золотая доспѣ, а другая серебромъ учини;» въ другомъ, подъ 1282 г., тотъ же лѣтописецъ, уподобляя Мстислава Волынскаго Соломону, за то, что онъ, подобно послѣднему, продолжалъ устроить и украшать церкви послѣ брата своего, Владиміра, втораго Давида, говоритъ о Мстиславѣ: «иже нескончаннаа твоя учинишища.» Въ обоихъ взятыхъ для примѣра мѣстахъ лѣтописи слово учинить показываетъ довершеніе памятниковъ технического производства. Учинить земное поклоненіе даже теперь какъ то странно звучитъ, когда слово это по видимому получило болѣе общее значеніе. Такъ представляется оно въ отдѣльно взятой фразѣ; что же выйдетъ, если мы приведемъ его въ соотношеніе съ предыдущей и послѣдующей фразами послѣсловія: «и возилъ въ Царьгородъ, учинилъ поклоненіе, возвратился изъ Царьгорода.» Изъ трехъ предложеній первое и послѣднее имѣетъ видимое отношеніе къ евангелію, ради котораго ѣздилъ Наславъ, среднее не имѣетъ ровно никакого. Наконецъ еще одно самое важное обстоятельство. Къ чему было истому Славянину, какимъ является Наславъ въ послѣсловіи, прибѣгать къ Греческому слову, безъ всякой нужды, для выраженія такого понятія, для котораго у него было на родномъ языкѣ родное слово? Ради моды, или для загадки? Но самый текстъ Мстиславова евангелія отличается необыкновеннымъ между другими памятниками Церковно-Славянской письменности желаніемъ не искать Греческихъ словъ, а избѣгать ихъ по возможности: въ немъ Греческихъ словъ менѣе, чѣмъ въ Остромиро-

вомъ евангеліи. Значить, особой моды щеголять Греческими словами не было при дворѣ Мстислава. Непосредственно отсюда мы приходимъ къ окончательному заключенію въ пользу того, что если Наславъ употребилъ Греческое слово, то развѣ по необходимости, для выраженія такого понятія, которое было чуждо его языку и для котораго въ немъ онъ не могъ отыскать соответствующаго слова. Какое же это понятіе? Безъ сомнѣнія, техническое, обозначающее привозное, заимствованное отъ Грековъ. При совершенномъ младенествѣ Русской археологической терминологіи, мы позволимъ себѣ сдѣлать слѣдующія на этотъ конецъ предположенія. Химипеть, Греческое слово по звуку своему, но не встрѣчающееся ни въ другихъ источникахъ, ни въ словаряхъ Греческаго языка, и потому, быть можетъ, даже не совсѣмъ точно переданное Русскимъ челоукомъ начала XII вѣка, имѣетъ корнемъ своимъ, по видимому, глаголь *χέω*, лить, плавить, отъ котораго происходитъ *χῆμα*, жидкость, *χύμιος*, сплавъ, и *χυμευτός*. Благодаря успѣхамъ, сдѣланнымъ Археологіею въ послѣднее время, особливо во Франціи, ученые пришли къ заключенію, что средневѣковые Греки подъ словомъ *χύμιος* разумѣли самый составъ эмали или финифти, т. е., смѣсь стекла съ металлическими окисями, подъ словомъ *χυμευτός* то, что мы называемъ эмалевымъ, финифтянымъ; для обозначенія же предметовъ, сдѣланныхъ изъ финифти, т. е., эмалей, финифтей они употребляли или средній родъ прилагательнаго *χυμευτόν*, *χυμευτόν*, или описательную форму *ἔργα χυμευτά* или *χειμευτά* и проч. Намъ кажется, что сближеніе Греческаго слова *χυμευτόν*, или какъ оно должно было выговориться Русскимъ химить, химивтъ съ нашимъ темнымъ химипеть есть самое основательное, которое до сего времени можно было допустить. Оно вполне соответствуетъ и управляющему имъ глаголу, смыслу послѣсловія и цѣли поѣздки. Учинихъ химипеть такимъ образомъ можетъ значить учинилъ химивтъ, справилъ, устроилъ для евангелія финифти. Понятно, что только одна буква *η* въ послѣднемъ слогѣ составляетъ затрудненіе; не находясь въ Греческомъ словѣ, она вставлена въ наше. Но, во первыхъ, эта буква сродна по характеру съ буквами *в* и *ф*; кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что слово это, быть можетъ, въ первый разъ было употреблено на письмѣ; что оно не церковное, не книжное, а чисто техническое; быть можетъ даже, что терминъ этотъ въ первый разъ даже слышалъ Наславъ въ Константинополѣ и не совсѣмъ вѣрно его передалъ. Оно могло и не подвергаться

строгому книжному филологическому анализу, какъ нѣкоторыя другія слова, зашедшія къ намъ изъ Греціи вмѣстѣ съ вещами, вывезенными изъ той страны, и употребляющіяся въ нашихъ лѣтописяхъ далеко не въ первоначальномъ видѣ своемъ.

Легко можетъ быть, что даже слово финифть, или какъ говорятъ древнѣйшіе источники, финиптъ имѣетъ отношеніе и къ химиту и къ химипету. Созвучіе этихъ словъ и одинаковость значенія говорятъ сами за себя. Въ Греческомъ лексиконѣ до сихъ поръ неизвѣстно еще другаго слова, ближайшаго по значенію къ нашему финифть. Производитъ его отъ слова *φυγίς* нѣтъ основанія, между тѣмъ буква *φ* указываетъ не на Славянское происхожденіе, да и все слово звучитъ скорѣе Греческимъ. Не уже ли только одна странная случайность созвучія ставить слово финиптъ между химитомъ и химипетомъ? Такъ или нѣтъ, но мы не считаемъ себя вправѣ признать за словомъ химипеть значеніе поклоненія также, какъ за финифтью происхожденіе отъ *φυγίς*. Легко можетъ быть, что дальнѣйшіе успѣхи Археологій и Филологій, если обѣ науки дружно пойдутъ рука объ руку, разъяснятъ этотъ вопросъ окончательно; но до тѣхъ поръ мы удержимъ за словомъ химипеть значеніе финифти на тѣхъ основаніяхъ, какъ мы сказали, что оно объясняетъ и цѣль путешествія и все послѣсловіе и отчасти самое украшеніе оклада. Объяснимся.

Князь Мстиславъ, отличаясь, подобно отцу и дѣдамъ своимъ, ревностью къ сооруженію и украшенію церквей, построилъ, между прочимъ, въ бытность свою Княземъ Новгородскимъ, въ 1103 году, церковь Благовѣщенія на Городищѣ. Такъ какъ обыкновенно Князья храмоздатели заботились и о снабженіи церквей всѣми необходимыми принадлежностями, то онъ и заказалъ написать для этой церкви евангеліе. Заказъ исполненъ былъ сыномъ пресвитера, Алексеемъ Лазаревымъ. Что Мстиславово евангеліе было написано именно для этой церкви, видно изъ словъ написавшаго его, который говоритъ въ послѣсловіи о Князѣ: «иже съвърши снѣ сѹдѣ на блѣннѣ прѣстѣн, ѹстѣн вѣуци нашей бѣн.» Благословеніе Богоматери евангеліемъ имѣетъ значеніе только по отношенію къ ея церкви, для которой предназначено было евангеліе; кромѣ того изъ другой приписки извѣстно, что евангеліе это находилось именно въ той церкви. Но мы объ этомъ уже говорили въ другомъ мѣстѣ. Когда евангеліе было готово, Мстиславъ задумалъ украсить его такимъ окладомъ,

которому подобнаго, или не было на Руси, или котораго не въ силахъ были сдѣлать въ Россіи. Золотыхъ дѣлъ мастерство процвѣтало тогда въ Византіи. Послѣднія изысканія Европейскихъ ученыхъ убѣдили, что не только въ Россіи, въ цѣлой Европѣ не было во времена Мстислава такихъ финифтниковъ, какъ въ Византіи. Туда обыкновенно обращались съ заказами богатые любители изящныхъ предметовъ. Къ числу такихъ заказовъ, и какъ разъ къ тому же времени, знатоки дѣла относятъ финифти, составляющія лучшее украшеніе знаменитой запрестольной иконы Св. Марка въ Венеціи. Туда поѣхалъ и Наславъ съ евангеліемъ, имѣвшій, вѣроятно, кромѣ того, другія порученія отъ своего Князя: тамъ онъ устроилъ для оклада финифти, т. е., или заказалъ ихъ сдѣлать, или прямо выбралъ (посоветовавшись съ знатоками) въ богатыхъ магазинахъ тѣ изъ нихъ, которыя подходили по сюжету: тѣмъ, по видимому, и кончилъ онъ все дѣло съ евангеліемъ въ Царьградѣ. Возвратившись оттуда въ Новгородъ, онъ, вѣроятно, здѣсь пристроилъ весь окладъ металломъ и камнями, наложилъ на него привезенныя финифти и, не заставъ уже Князя, отправился въ Кіевъ, гдѣ, какъ видно, угодилъ Князю, который (спасибо ему) приказалъ записать на самомъ евангеліи, для памяти себѣ и потомству, о скончаніи евангелія и отправилъ его, по назначенію, въ Новгородъ, въ церковь Благовѣщенія на Городищѣ, гдѣ оно находилось, какъ извѣстно, еще въ 1551 году. Вотъ въ краткихъ словахъ все, что, по нашему мнѣнію, можно извлечь и предположить изъ послѣсловія. Теперь обратимся къ самому памятнику, рассмотримъ, въ томъ ли онъ видѣ дошелъ до насъ, въ которомъ оставилъ его Мстиславъ, или отъ него сохранились только весьма немногіе остатки? Мы положительно убѣждены въ послѣднемъ.

Разсматривая составныя части оклада мы видѣли, что основаніе его украшеній составляетъ серебряная, густо позолоченая доска, украшенная витыми орнаментами плоской скани. Въ этой доскѣ сдѣланы предназначенныя для помѣщенія дощечекъ съ финифтями углубленія, окоймленныя, на подобіе рамокъ, поднятыми сканными нитями, между которыми въ ложбинкахъ утверждены колечка для проволоки съ жемчугомъ; такимъ образомъ рисунокъ этихъ углубленій доски и рамокъ опредѣляется и обуславливается очертаніемъ дощечекъ, на которыхъ исполнены финифти.

Въ числѣ четырнадцати отдѣльныхъ дощечекъ, мы находимъ пять совершенно различныхъ по формѣ, которая, въ свою очередь, есть общая дощечекъ съ финифтями одного характера и времени. Особнякомъ является только одна неправильная фигура или заплата среди оклада, служащая дополненіемъ и украшеніемъ въ родѣ оклада или широкой рамы изображенію Спасителя, помѣщающемуся среди ея, на дощечкѣ особой формы; всѣ прочія дощечки имѣютъ опредѣленную форму или пятиугольника съ острымъ верхнимъ угломъ, въ числѣ шести дощечекъ, или квадрата, въ числѣ пяти, или четырехугольника, въ числѣ двухъ. Если всѣ упомянутыя углубленія въ основаніи сканной доски исполнены для помѣщенія именно тѣхъ дощечекъ съ финифтями, которыя украшаютъ ее въ настоящее время, то и средняя заплата, окладъ (сердника), помѣщающаяся въ такомъ же углубленіи и окаймленная такою же рамкою, должна была уже первоначально, въ время приготовленія самага основанія, получить здѣсь свое мѣсто. Но заплата эта, по работѣ и надписямъ, относится непосредственно къ XVI столѣтію. Отсюда слѣдуетъ: или окладъ, предназначенный къ воспріятію ея, сдѣланъ не въ XII, а въ XVI столѣтіи, или (въ мѣсто этой заплаты XVI-го столѣтія, прежде существовало, что нибудь иное. Мы бы могли допустить послѣднее только въ томъ случаѣ, если бы, хотя на минуту, усомнились въ возможности существованія на окладѣ XII столѣтія линіи, окружающей эту заплату и составляющей, какъ извѣстно, неотчуждаемую собственность сканнаго оклада въ углубленіи и каймѣ этой заплаты. Линія эта, представляя рисунокъ не символическій, но простой, не затѣливый, но изящный, происходящій по видимому изъ четырехугольника съ волнистыми сторонами, составляетъ позднѣйшее украшеніе, употребляется и на другихъ памятникахъ, даже на окладахъ евангелій, но только XVI-го столѣтія, и никогда не встрѣчается на памятникахъ XII-го. Форма всѣхъ прочихъ дощечекъ весьма древняя, и господствовавшая въ Византіи именно для подобныхъ финифтяныхъ изображеній во все то время, когда Византійскія фабрики изготовляли цѣлыя собранія финифтей опредѣленныхъ форматовъ для украшения разнаго рода памятниковъ. Но за то, съ другой стороны, на этомъ приписываемомъ Мстиславу времени окладъ, и въ этихъ дощечкахъ отдѣльныхъ форматахъ, мы находимъ собранія финифтей, до того неполныя по сюжетамъ, что рѣшительно не имѣемъ права допустить наложеніе

ихъ XII-му столѣтію, времени процвѣтанія Греческой финифти. Кроме того, мы увидимъ далѣе, что цѣлыя отдѣленія финифтей занесены сюда изъ другихъ мѣстъ, гдѣ они имѣли совершенно иное назначеніе; что всѣ вообще особыхъ отдѣленій финифти разнаго времени и различнаго дѣла, нѣкоторыя безъ надписей, но по видимому съ изображеніями Русскихъ святыхъ, одна даже съ Русскою надписью. Соображая все это вмѣстѣ, мы теперь же приходимъ къ заключенію, что окладъ, по своему сборному характеру, вмѣстѣ съ его запоною XVI столѣтія, никакимъ образомъ не можетъ быть отнесенъ къ XII столѣтію. Разумнѣе было бы допустить, что онъ возникъ въ болѣе скудную древними эмалями эпоху, когда производство ихъ или вовсе прекратилось, или сдѣлалось весьма рѣдкимъ, когда могли довольствоваться, для украшенія оклада эмалями, сохранившимися отъ древности и присоединили къ нимъ новыя; словомъ скорѣе можно допустить, что приготовленіе всего оклада относится къ времени обновленія евангелія, указываемому позднѣйшей припиской, т. е. къ 1551 году. Единственнымъ препятствіемъ является здѣсь сканная работа оклада, но и это препятствіе только видимое, оно легко устраняется, если припомнимъ, что сканная работа производилась въ различныя времена, и потому была разнаго рода; на разсматриваемомъ нами памятникѣ она вовсе не носитъ отличительныхъ признаковъ XII столѣтія. Древнѣйшая скань или филогрань, во время процвѣтанія въ Византіи золотыхъ дѣлъ мастерства, сколько можно судить по памятникамъ, которыхъ происхожденіе не подлежитъ сомнѣнію, была двухъ родовъ: или въ видѣ сѣти изъ припаянныхъ на ребро тончайшихъ пластинокъ, подобныхъ тѣмъ, которыхъ промежутки наполнялись мусіей или въ видѣ золотыхъ веревочекъ, расположенныхъ завитками, змѣйками и проч. Въ обоихъ случаяхъ скань употреблялась по преимуществу золотая, имѣла довольно значительное возвышеніе надъ уровнемъ основанія, словомъ имѣла видъ накладки. Лучшими образцами въ томъ и другомъ родѣ мы считаемъ въ Россіи золотую скань шапки, извѣстной подъ именемъ Мономаховой, и скань на бармахъ, извѣстныхъ подъ именемъ Рязанскихъ. Ничего или очень мало подобнаго находимъ на окладѣ Мстиславова евангелія, который представляетъ въ общемъ весьма обыкновенный рисунокъ плоской серебряной скани, употреблявшейся для украшенія Русскихъ памятниковъ, преимущественно иконныхъ окладовъ, ланагій, крестовъ въ XV и XVI сто-

лѣтіяхъ. Немаловажное указаніе на другаго рода не серебряныя, а золотыя, украшенія верхней доски Мстиславова евангелія видимъ мы въ сохранившихся остаткахъ золотыхъ крюковъ отъ застежекъ. Странно, во всякомъ случаѣ, дѣлать золотыя застежки къ серебряному окладу. Къ тому же XVI столѣтію мы думаемъ отнести, ни мало не сомнѣваясь, и покраску нѣкоторыхъ украшеній этого оклада, которой слѣды сохранились мѣстами, въ нѣкоторыхъ углубленіяхъ, и которую г. Забѣлинъ также безъ всякаго основанія называетъ финифтью XII столѣтія.

Если въ Россіи сохранилось мало рукописей, украшенныхъ богатыми окладами около XII столѣтія, то въ цѣлой Европѣ сохранилось ихъ достаточно для того, чтобы воспользоваться ихъ сравнительнымъ изученіемъ. Стилъ украшеній подобнаго рода, при всемъ различіи матеріальныхъ и нравственныхъ средствъ въ различныхъ мѣстностяхъ, представляетъ въ эту эпоху еще ощутительнаго Византійскаго вліянія много общаго. Но до сихъ поръ еще неизвѣстно ни одного современнаго памятника, представляющаго въ стилѣ своихъ украшеній сходство съ нашимъ окладомъ; напротивъ на этомъ окладѣ, съ одной стороны, мы находимъ существенные недостатки именно тѣхъ характеристическихъ особенностей, которыя составляли собою необходимыя принадлежности финифтяныхъ окладовъ евангелій современной эпохи и замѣненіе ихъ лишними, съ другой мы видимъ остатки тѣхъ необходимыхъ принадлежностей; такимъ образомъ, находя очевидные слѣды бывшаго нѣкогда сходства стили въ украшеніяхъ оклада, мы должны допустить, что въ позднѣйшую эпоху сходство это подверглось измѣненію, и чрезъ то утратился самый характеръ древняго памятника. Такъ, напримѣръ, существенную необходимость оклада съ финифтяными изображеніями, по видимому, составляли изображенія Спасителя, евангелистовъ, или ихъ символовъ. Но они не сохранились отъ древняго оклада. Изображеніе евангелистовъ на завоѣ середника принадлежитъ безспорно XVI столѣтію, а Спасителя, по видимымъ признакамъ, не принадлежало первоначально окладу, а совершенно другаго рода памятнику. Нерѣдко на древнѣйшихъ окладахъ съ финифтями встрѣчаемъ и изображеніе двѣнадцати апостоловъ; мы находимъ ихъ, дѣйствительно, и на нашемъ, но въ какомъ жалкомъ остаткѣ: два апостола, Петръ и Павелъ, сохранились изъ одной коллекціи, по видимому, совершенно чуждой окладу, и два другихъ, Іаковъ и Варѣоломей изъ

другой. Мы съ достовѣрностью можемъ смотрѣть только на двѣ послѣднія финифти, какъ на оставшіяся отъ первоначальнаго украшенія. Эти двѣ четырехугольныя дощечки съ изображеніями, исполненными гораздо ранѣе XII вѣка, могли принадлежать именно тому окладу, ради котораго возили евангеліе въ Константинополь. Они до сихъ поръ составляютъ лучшее украшеніе оклада, хотя помѣщены на менѣе видномъ мѣстѣ. Вся же прочія финифти едва ли могли имѣть мѣсто на первоначальномъ окладѣ. Причины тому намъ отчасти уже извѣстны и еще болѣе уяснятся въ послѣдствіи, при разсматриваніи памятника въ подробностяхъ.

Такимъ образомъ, если поверхностный взглядъ на памятникъ, въ сопровожденіе такого же поверхностнаго воззрѣнія на послѣдствіе относить окладъ цѣлостно XII вѣку и работъ Царьградской, то внимательное изученіе того и другаго приводитъ къ совершенно противоположнымъ убѣжденіямъ. Допуская, что Наславъ возилъ евангеліе для украшенія его въ Царьградъ и тамъ успѣлъ украсить его великолѣпнымъ окладомъ, все таки мы имѣемъ основательныя причины думать, что онъ украсилъ его не тѣмъ окладомъ, который дошелъ до нашего времени, но другимъ, который въ XVI вѣкѣ, будучи ветхъ, потребовалъ обновленія, замѣненія. Отъ Наславова оклада, быть можетъ, не осталось ничего, кромѣ двухъ финифтей, не сохранилось ни основанія, ни слѣдовъ расположенія украшеній: и то, и другое, какъ мы видѣли, основательнѣе отнести къ XVI вѣку, тѣмъ болѣе, что для расположенія финифтей на окладахъ XII вѣка, никогда не употреблялась форма креста, подобнаго находящемуся на нашемъ окладѣ, приписываемомъ Царьградскому дѣлу. Самый способъ укрѣпленія финифтей этого оклада свидѣтельствуетъ о положеніи ихъ въ позднѣйшее время. Они придѣланы къ окладу такъ неискусно, какъ только можно допустить или при готовомъ основаніи и случайномъ помѣщеніи цопавшихся подъ руку изображеній, или при готовыхъ изображеніяхъ и непомѣрно для нихъ сдѣланныхъ помѣщеніяхъ. Они прибиты позолочеными гвоздиками безъ особой соразмѣрности даже съ рамками, ихъ окаймляющими, образы нѣкоторыхъ и въ нихъ сдѣланы не совѣмъ вѣрно, и всѣ вообще, будучи ничѣмъ не закрыты, придаютъ всему памятнику видъ недоконченности. Въ этомъ отношеніи, для укрѣпленія финифтей на древнѣйшихъ памятникахъ, надо замѣтить, было особаго рода устройство, именно золотая оправа съ зубчатыми ободками. Финифти вста-

влялись въ нее, какъ драгоценные камни въ рещи. Загнутые сверху, кругомъ финифтей, ободки оправы, закрѣпляя обрѣзы, скрывали ихъ отъ глазъ и составляли родъ весьма красивой рамки. Отсюда слѣдуетъ, что не только общая форма, стиль оклада, способ размѣщенія украшеній, форма отдѣльныхъ украшеній, ихъ характеръ и состояніе, выборъ изображеній, но даже самыя мельчайшія подробности говорятъ въ пользу происхожденія оклада не въ XII, а въ XVI столѣтіи.

Страсть къ поновленіямъ и здѣсь была, по видимому, главною причиною того, что памятникъ не дошелъ до насъ въ томъ видѣ, въ которомъ оставилъ его Мстиславъ и въ настоящее время довольно трудно представить первоначальный видъ украшенія его евангелія. На основаніи сравнительнаго изученія другихъ подобныхъ памятниковъ, сохранившихся въ Европѣ, мы позволимъ себѣ только нѣкоторыя соображенія для его реставраціи.

Извѣстно, что въ древности гораздо большее обращали вниманіе на переплетъ книгъ Священнаго Писанія, нежели въ настоящее время, потому что переплеты имѣли несравненно важнѣйшее значеніе. Они служили не только къ сбереженію и украшенію рукописей, которыя сами по себѣ были рѣже и цѣннѣе самыхъ рѣдкихъ и самыхъ дорогихъ печатанныхъ книгъ; кромѣ того, будучи украшены священными изображеніями, они имѣли цѣль благочестиваго обѣта, назиданія. На этомъ основаніи, въ весьма раннюю эпоху христіанства, церковныя и служебныя книги украшались съ большими издержками, стараніями и смысломъ, такого рода изображеніями, которыхъ выборъ вполне соответствовалъ содержанію рукописей. Не входя здѣсь въ подробности о способѣ украшеній другихъ книгъ Священнаго Писанія, потому что это завело бы насъ слишкомъ далеко, мы обратимъ вниманіе читателей только на матеріалы и предметы изображеній, употреблявшіеся для украшенія евангелій. Золото, серебро и драгоценныя камни — эти три упоминаемыя Мстиславомъ матеріалы, по видимому, были употребительными для украшенія древнѣйшихъ евангелій, не только въ Россіи и на цѣломъ Востокѣ, но и на Западѣ. Оправдывая употребленіе ихъ, аббатъ Рупертъ говоритъ, что въ этихъ книгахъ сіяетъ злато небесной мудрости, блеститъ серебро краснорѣчія, основаннаго на вѣрѣ, свѣтятся камни чудесъ, содѣянныхъ руками Христа. Но до введенія этихъ матеріаловъ во всеобщее употребленіе, они были

вѣка христіанства, по подражанію античнымъ образцамъ, для переплета священныхъ книгъ, брали слоновою кость. Дидронъ, по видимому, весьма основательно дѣлитъ въ этомъ отношеніи книги, съ нѣкоторыми незначительными исключеніями, на четыре главныхъ періода: на заключенныя въ рельефныя дощечки слоновой кости, на подобіе складней съ первыхъ вѣковъ христіанства до IX; на украшенныя слоновой кости небольшими рельефами совмѣстно съ металломъ и камнями, и съ видимымъ преобладаніемъ послѣдняго, съ IX и вѣка до XII вѣка почительно; далѣе, слѣдуетъ одинъ металлъ, безъ слоновой кости, съ конца XII вѣка до конца XIV-го; наконецъ отсюда до XVII вѣка переплеты книгъ украшались рѣзбой по дереву, матеріями, слегка металломъ, кожей.

Что же касается до предметовъ изображеній на всѣхъ этихъ матеріалахъ, то мы уже замѣтили прежде, что изображенію Спасителя принадлежало мѣсто на евангеліи по преимуществу, вслѣдъ за нимъ изображеніямъ евангелистовъ и апостоловъ, первому, какъ источнику слова Божія, другимъ, какъ орудіямъ и проповѣдникамъ его. Изображеніе Спасителя на окладахъ евангелій вообще можно подраздѣлить на три главныхъ вида: Это или сидящій Вседержитель, благословляющій правою рукою, а въ лѣвой держащій евангеліе, или Младенецъ на рукахъ Богоматери, также съ евангеліемъ, или наконецъ Распятый на крестѣ, по евангелію и здѣсь было отношеніе: оно помѣщалось вверху Распятія, на престолѣ Господнемъ. Къ этимъ главнѣйшимъ представленіемъ Спасителя присоединяются иногда главные эпизоды изъ евангельской жизни его, на пр., дванадцать праздниковъ и проч. Евангелисты или ихъ символы болшею частію помѣщаются по бокамъ Спасителя, по угламъ оклада. Отсюда названія середника и наугольниковъ—соотвѣтствующія Спасителю образу и образамъ евангелистовъ. Отъ евангелистовъ по сторонамъ идетъ рядъ двѣнадцати апостоловъ, изображенныхъ болшею частію на отдѣльныхъ дощечкахъ. По господствовавшимъ въ древности понятіямъ и по нѣкоторымъ сохранившимся въ Россіи и въ Европѣ памятникамъ, мы имѣемъ право принять эти изображенія за норму. Къ нимъ въ послѣдствіи преимущественно, кажется, съ XIII столѣтія, присоединяются избранные изъ мучениковъ. Дидронъ по видимому, не совсѣмъ основательно объясняетъ появленіе перво-мученика Стефана на одномъ Кельнскомъ евангеліи, принадлежностью святаго къ дьяконскому чину, говоря, что онъ получилъ

здѣсь мѣсто потому, что дьяконы обыкновенно читали въ церквахъ евангеліе: почему же другіе мученики получали тамъ же мѣсто, не имѣя вовсе этого сана? Ближе принять, что они запечатлѣли истину евангельскаго ученія своею кровію, и за то по праву получили мѣсто на евангеліи. Объ изображеніяхъ мучениковъ на окладахъ евангелій, сдѣланныхъ въ Россіи, упоминаеть, какъ извѣстно, и Волынская лѣтиспись.

XI. Вотъ въ немногихъ словахъ, почти все извѣстное до сихъ поръ о матеріалѣ и предметахъ изображеній на древнихъ окладахъ евангелій, и на этихъ-то скудныхъ данныхъ мы должны основать возможность реставраціи нашего памятника. Принятое Дидрономъ раздѣленіе украшеній по матеріалу, на періоды, въ общихъ чертахъ, имѣеть равное значеніе для древнихъ памятниковъ цѣлой Европы, особливо характеристика двухъ первыхъ періодовъ, должна быть признана безусловно общою: потому что древній христіанскій стиль, какъ открывается съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, былъ по всюду общій византійскій. Вполнѣ принимая дѣленіе Дидрона, мы позволяемъ себѣ предполагать, что въ первые два періода украшеній окладовъ, на ряду съ употребленіемъ слоновой кости, существовали оклады евангелій, украшенные однимъ металломъ и камнями. Если не сохранилось въ этомъ родѣ памятниковъ, то указанія на нихъ довольно часты въ изображеніяхъ Спасителя и святыхъ съ евангеліями въ рукахъ. Изображенія эти совпадаютъ съ первыми двумя періодами принятаго Дидрономъ дѣленія, а украшения окладовъ, на которыя они указываютъ, состоятъ прямо изъ металлическаго основанія и пяти камней, размѣщенныхъ въ видѣ середника и наугольниковъ. Но обратимся къ первоначальной формѣ нашего оклада, и попробуемъ реставрировать ее по указаніямъ Дидрона и по сравненію съ другими, сохранившимися въ Европѣ памятниками. Признавъ шесть финифтей кивотцами, и вмѣстѣ съ ними изображеніе Спасителя, принадлежащими первоначальному окладу, мы можемъ предположить, что украшавшее нѣкогда окладъ это изображение Спасителя могло быть изъ слоновой кости, выпукло рѣзное также, какъ и евангелистовъ и ихъ символовъ. Матеріалъ этотъ не столь прочный, какъ металлъ, легко могъ подвергнуться порчѣ и прежде другаго потребовать замѣненія. Изображенія двѣнадцати апостоловъ изъ коллекціи двухъ продолговатыхъ четырехугольниковъ тянулись, вѣроятно, въ ряды между четырьмя помѣщенными по угламъ евангели-

стами. Они были утверждены въ красивыя рамки съ зубчатыми ободочками. Наконецъ все это должно было помѣщаться на гораздо богатѣйшемъ основаніи сканной золотой доски съ завитками выпуклыми; въ промежуткахъ изображеній и орнаментовъ размѣщены были камни. Легко можетъ быть, что и нижняя доска переплета, въ первоначальную эпоху оклада была украшена изображеніями; въ такомъ случаѣ, такъ какъ евангеліе предназначалось для церкви Благовѣщенія, то здѣсь, среди другихъ украшеній, могло быть рѣзное изображеніе этого праздника.

Мало для насъ значенія представляетъ вопросъ: сохранились ли камни и жемчугъ, украшающіе до сихъ поръ окладъ Мстиславова Евангелія, отъ XII столѣтія, или они помѣщены вновь въ XVI? Что касается до первыхъ, т. е., камней, то извѣстно, что они упомянуты въ припискѣ Наслава и, судя по ихъ качеству, въ частяхъ или цѣлостно могли дойти до нашего времени. Они, какъ уже замѣчено, не смотря на названіе ихъ Наславомъ драгоценными, драгый камень, каковыми могли считаться въ древности, въ настоящее время не представляютъ высокой цѣнности, ни по достоинству, ни по величинѣ; не будучи обдѣланы, они вставлены въ натуральномъ ихъ видѣ въ золотыя гнѣзда, съ боку украшенныя эмалью. Между ними есть даже подцвѣченныя стекла, какихъ достаточно на древнѣйшихъ памятникахъ, есть и камни, просверленные въ серединѣ — доказательство, что они прежде, чѣмъ попали въ гнѣзда, были носимы въ сергахъ или какомъ другомъ украшеніи. Судя потому, что жемчугъ употреблялся на современныхъ Мстиславову окладу памятникахъ и еще болѣе чѣмъ въ XVI и XVII вѣкѣ, мы бы могли допустить пребываніе его на древнѣйшемъ окладѣ разумѣется съ ограниченіемъ относительно рисунка или способа размѣщенія. И камни, и жемчугъ въ эпоху обновленія оклада, должно быть, переложены. Странно, отчасти, что Наславъ не упоминаетъ о жемчугѣ, когда его не забывали иногда лѣтописцы, повѣствованіе объ украшеніяхъ церковной утвари; но намъ извѣстенъ уже характеръ приписки его, отличающейся своею краткостью, сжатостью и неопредѣленностью, мы видѣли, какъ описаны имъ финифти — цѣль дальней и многотрудной поѣздки, — главный предметъ рѣчи и всей приписки. О нихъ даже не упомянуто ясно въ послѣсловіи; если не разумѣль ихъ Наславъ подъ другимъ словомъ, то бытіе ихъ на первоначальномъ окладѣ также подвергается основательному сомнѣнію.

Между тѣмъ ясно, что всѣ предположенія наши по реставраціи первоначальной формы Мстиславова оклада имѣютъ основанія исключительно лишь въ такомъ только случаѣ, если мы допустимъ принятое нами выше толкованіе послѣсловія о финифтяхъ; въ противномъ случаѣ, мы должны будемъ ограничиться примѣненіемъ этому окладу самой простой формы украшенія посредствомъ металла и камней, быть можетъ, даже вовсе безъ изображеній. Указаній на подобнаго рода оклады отъ глубокой древности сохранилось достаточно на различныхъ памятникахъ металлическаго дѣла, книжной живописи и вообще памятникахъ иконографіи, въ которыхъ встрѣчаются изображенія святыхъ съ евангеліями въ рукахъ, на которыхъ по окладу камни размѣщены обыкновенно въ простѣйшей формѣ квадрата и четырехъ наугольниковъ . Но въ такомъ случаѣ окон-

чательно теряется всякій смыслъ поѣздки Наслава съ евангеліемъ въ Царьградъ, особливо, если принять, какъ мы то сдѣлали, что слова Наслава объ украшеніи евангелія металломъ и камнями относятся къ возвращенію его съ евангеліемъ изъ Царяграда въ Россію. Уже сказано, что Князь Мстиславъ хотѣлъ украсить обѣтнѣй трудъ свой богатымъ окладомъ, а богаче оклада въ началѣ XII вѣка нельзя себѣ представить, какъ украшенный финифтями Царьградскаго дѣла. Повторяемъ, что страннымъ и на вѣки загадочнымъ останется для насъ послѣсловіе, если не принять со стороны Наслава упоминаній о финифтяхъ хотя въ такой формѣ, которая для насъ загадочна; что если лѣтописцы, имѣвшіе обширный кругъ излагавшихся ими событій, по сколько нибудь интересовавшіеся памятниками искусствъ, какъ, на пр., составители Платьевской лѣтописи, находили возможность, хотя вскользь, говорить о памятникахъ, украшенныхъ финифтями, даже о евангеліяхъ, какъ же могъ опустить ихъ изъ виду Наславъ, когда онѣ были, по всѣмъ признакамъ, цѣлю его поѣздки и, слѣдовательно, главнымъ предметомъ рѣчи его послѣсловія, написаннаго въ память потомству по приказанію Князя? Изъ послѣсловія видно, какъ трудно вообще понимать древнихъ Русскихъ писателей о памятникахъ искусства, и особливо писателя XII вѣка, котораго рѣзкая грань болѣе осмысленной разности понятій и языка отдѣляетъ отъ пытливыхъ вопросовъ современной археологіи. Простыя и ясныя съ перваго взгляда строки Наслава, со вставкою одного, по видимому, незначительнаго, слова, проникнуты

въ сущности тою многозначительною краткостію древней рѣчи, которая съ трудомъ поддается современнымъ толкованіямъ и вводитъ въ лабиринтъ разнаго рода предположеній, даже о существѣ дѣла, ради котораго вызваны эти строки.

Но какъ ни пояснять темныя мѣста послѣловія, какой смыслъ ни придавать его загадочному способу изложенія, одно остается не подлежащимъ сомнѣнію — это то, что Наславъ описывалъ не тотъ окладъ Мстиславова евангелія, который предлежитъ нашему изученію, но другой, который былъ сдѣланъ первоначально; слѣдовательно, всѣ объясненія послѣловія должны исключительно относиться къ этому послѣднему; для перваго они совершенно лишни и скорѣе затемняютъ вопросъ, чѣмъ разясняютъ его.

Мы видѣли, какъ поверхностный взглядъ на послѣловіе повелъ къ неправильному воззрѣнію на самый памятникъ, и потому важнѣйшимъ результатомъ, который мы вынесли изъ сравнительнаго изученія послѣловія съ памятникомъ, считаемъ мѣру предосторожности, которою мы должны запасаться при опредѣленіи времени памятника, сопровождаемого подобнаго рода послѣловіями, или надписями, которымъ вѣрить на слово невозможно, не подвергнувъ критическому анализу самый памятникъ. Мы замѣтили, какъ мало разясняется вопросъ о современномъ видѣ оклада путемъ изученія Наславовой приписки, и едва ли не вправѣ будемъ сказать, что почти такое же значеніе имѣетъ приписка и для опредѣленія древнѣйшей его формы. Намъ кажется, что самый памятникъ и здѣсь говоритъ больше самой приписки. Въ самомъ дѣлѣ, и безъ посредства приписки, единственно лишь съ помощью свѣдѣній, вовсе не касающихся оклада, сообщенныхъ Алексеемъ Лазаревымъ, мы бы могли знать, что окладъ этого евангелія, какъ вкладнаго Великокняжескаго памятника, долженъ быть украшенъ сообразно достоинству вкладчика, въ чемъ мы убѣждаемся сохранившимися слѣдами его древняго великолѣпія, лучшими, оставшимися отъ древности, финифтями, и окончательно удостоверяемся припискою 1551 года, въ которой идетъ рѣчь только о обновленіи памятника. Такимъ образомъ и безъ Наслава мы бы могли знать, что окладъ украшенъ Мстиславомъ посредствомъ камней и металла, о подробностяхъ же украшения мы не узнаемъ и отъ Наслава, между тѣмъ сохранившіеся остатки на окладѣ настоящемъ, ясно указываютъ намъ на нѣкоторыя недостающія части, съ которыми эти остатки должны

были нѣкогда составлять стройное цѣлое древняго оклада. Одною только пикогода мы не могли бы знать безъ приписки Наслава— что евангеліе возили въ Царьградъ; но обстоятельство это до сихъ поръ представляется темною загадкой, которую рѣшить, хотя мы взяли на себя смѣлость, но которая все таки представляетъ еще много вопросовъ, и въ сущности не можетъ служить новымъ фактомъ въ исторіи искусствъ въ Россіи. Господство Византійскаго вліянія въ ремеслахъ и искусствахъ въ цѣлой Европѣ начала XII вѣка, равно какъ и превосходство Греческаго металлическаго дѣла, давно уже, какъ факты, признаны извѣстными авторитетами въ наукѣ.

Въ этомъ отношеніи для насъ важнѣе позднѣйшая приписка, помѣщенная въ началѣ Мстиславова евангелія: она, по крайней мѣрѣ, обозначаетъ прямо время и мѣсто, когда и гдѣ происходило обновленіе оклада, и именно тѣмъ служить къ утвержденію на прочной исторической основѣ фактовъ исторіи финифтянаго дѣла, противъ которыхъ уже успѣли высказаться торопливые на свои отрицательные выводы изслѣдователи. Приведемъ ее здѣсь сполна:

«По мѣти вѣи и прѣтон вѣи обновлено бысѣ стос еуагліе к велікѣ новѣградѣ утѣнаго хрѣма прѣтис вѣи утѣнаго ел ѿ слѣвнаго бѣговѣщеніа на городище, въ лѣтѣ 75. ѿ ѿ, ѿ ѿ, ѿ ѿ, по веленіемъ бѣговѣтѣнаго црѣа ѿ гдѣа велікѣ кнѣа ѿвана каснальвнѣа всеа роусѣ, при пѣствѣ гдѣа пресѣеннаго серапіѣна, архіеѣпѣа велікаго новѣграда ѿ пскѣва.»

Въ своемъ мѣствѣ говорили мы о значеніи этой приписки для исторіи рукописи Мстиславова евангелія; намъ остается сказать здѣсь нѣсколько словъ о ея значеніи для археологіи памятника, для исторіи оклада. Не совсѣмъ легко рѣшить въ настоящую пору, въ чемъ собственно состояло дѣло обновленія евангелія, по причинѣ той же неопредѣленности и краткости древнихъ писателей, касавшихся памятниковъ искусства, которую мы равно встрѣчаемъ и у Наслава, и у этого приписчика; но, по видимому, мы вправѣ заключить: 1) что слова, обновлено бысѣ святое евангеліе, относятся исключительно къ его окладу; 2) что во время этого обновленія наложена тогда же приготовленная для оклада большая золотая заплата, съ финифтями, обрамливающая середникъ съ образомъ Спасителя; наконецъ 3) что въ то же время весь окладъ получилъ настоящій свой видъ. Все это само собою ясно при первомъ воззрѣніи на памятникъ. Позднѣйшихъ передѣлокъ въ окладѣ, какъ видно, не было, и указанный въ припискѣ 1551 годъ есть послѣдній изъ

вѣстный не только въ украшеніи оклада, но и въ исторіи всей рукописи, о которой мы съ того времени не имѣемъ ровно никакихъ письменныхъ указаній, не знаемъ даже, когда и какъ попала она изъ Новгородской Благовѣщенской церкви въ Московскій Архангельскій соборъ. Въ послѣднемъ отношеніи открывается новое поле предположеній, выводовъ... Легко можетъ быть, что Мстиславово евангеліе прибыло въ Москву въ одно время съ Остромировымъ; а такъ какъ изъ вышеприведенной приписки видно, что первое еще въ 1551 году находилось въ Новгородѣ, то оба они могли явиться только въ позднѣйшій періодъ; когда же? Невольно останавливаешься на роковомъ для Новгородскихъ памятниковъ 1570 году.

Самое свѣдѣніе, сохранившееся въ припискѣ на этомъ евангеліи дошло до насъ случайно, благодаря, вѣроятно, лишь усердію духовнаго лица, состоявшаго на службѣ при церкви Благовѣщенія на Городищѣ, быть можетъ, священника, который, скрывая свою личность, записалъ на память потомству объ обновленіи оклада, въ подражаніе Наславу, записавшему о первоначальномъ свершеніи его. Не смотря, однако жъ, на свой случайный характеръ и на подражаніе древнѣйшему приписчику въ самой краткости и неопредѣленности изложенія, эта позднѣйшая приписка драгоцѣнна для исторіи искусствъ въ Россіи уже тѣмъ, что положительно опредѣляетъ мѣсто и время происхожденія памятника, сохранившагося и предстоящаго нашему изученію, кромѣ того она способствуетъ къ разъясненію древнѣйшей исторіи оклада, его современнаго состоянія въ обновленномъ видѣ и, что всего важнѣе, доказываетъ существованіе извѣстной степени развитія искусствъ по городамъ въ XVI столѣтіи, внѣ Московскаго средоточія. Приписка эта приурочиваетъ именно 1551 году и Новгороду происхожденіе извѣстной золотой запоны, которая, въ свою очередь, по характеру изображенныхъ на ней финифтей, ихъ рисунку и работѣ, сопровождающимъ ихъ подписямъ, равно относится именно къ тому времени. На этой запоны навѣдены финифтью въ три цвѣта восемь отдѣльныхъ изображеній, которыя, по своему содержанію, служатъ дополненіемъ къ образу Спасову, утворенному мусією и помѣщающемуся на отдѣльной золотой дощечкѣ среди той запоны. По внѣшнему краю также, какъ и по внутреннему, т. е., вокругъ изображенія Спасителя, запоны обведена двойною синяго цвѣта финифтяною каймою, окружающею и поясняя изображенія четырехъ евангелистовъ. Вообще, служа по

содержанію своему дополненіемъ къ рисункамъ оклада, она въ то же время составляетъ непоследнее его украшеніе, свидѣтельствующее въ пользу эпохи, къ которой отнесена приписка.

Въ Русской Археологической литературѣ за последнее десятилѣтіе водворилось много произвольныхъ мнѣній, которыхъ мы будемъ имѣть случай касаться въ своемъ мѣстѣ, при разборѣ другихъ памятниковъ; въ настоящее время на нашей обязанности лежитъ разъясненіе только тѣхъ изъ нихъ, которыя непосредственно относятся къ предмету изслѣдованія — окладу Мстиславова евангелія. Авторъ Историческаго обзорѣнія финифтянаго дѣла въ Россіи жалуется на совершенное отсутствіе письменныхъ свѣдѣній по исторіи его въ XVI столѣтіи, говоря, что «это столѣтіе представляетъ весьма значительный пробѣлъ въ исторіи нашихъ древнихъ художествъ.»¹ Мы имѣемъ право усомниться въ существованіи такого пробѣла, не только вообще въ исторіи художествъ въ Россіи, ссылаясь въ этомъ случаѣ, хотя и на лѣтописи, но даже въ исторіи финифтянаго дѣла въ Россіи, и согласимся съ авторомъ только въ такомъ случаѣ, если признать за недѣйствительныя подобнаго рода капитальныя свѣдѣнія, какъ приписка, свидѣтельствующая о поновленіи оклада Мстиславова евангелія и указывающая прямо на происхожденіе большой записки съ финифтями въ половинѣ XVI столѣтія.

Разнаго рода неблагоприятныя обстоятельства, дѣйствительно не сохранили до нашего времени въ такой подробности свѣдѣній о различныхъ мастерствахъ XVI столѣтія, въ какой они дошли отъ XVII, и преимущественно въ рукописяхъ оружейной Палаты, столь знакомыхъ г. Забѣлину; но тѣмъ болѣе мы должны дорожить замѣчательными, хотя и отрывочными, указаніями лѣтописей, сохранившимися памятниками съ надписями и подобнаго рода приписками, проливающими свѣтъ на тѣ времена исторіи художествъ, которыя темны для насъ уже по тому, что менѣе другихъ обработаны. Такимъ образомъ ведомовки г. Забѣлина и его жалобу на скудость матеріаловъ мы относимъ, съ одной стороны, къ тому, что ему не были извѣстны ни эта приписка, ни другіе подобныя матеріалы, съ другой, что онъ увлеченъ былъ обиліемъ письменныхъ матеріаловъ, архива, и, самыхъ памятниковъ, исключительно музея Оружейной Палаты. Точно также въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія по финифти онъ замѣчаетъ, что Москва въ XVI и XVII столѣтіяхъ была средоточіемъ

¹ Стр. 10.

всей или, по крайней мѣрѣ, лучшей художественной дѣятельности, что другіе города Россіи того же времени, если что и производили, то все только посредственное; но предоставимъ высказаться самому автору: «Центромъ ¹ лучшаго производства въ XVI и XVII столѣтіяхъ была Москва; на долю другихъ городовъ оставалось все посредственное и не слишкомъ значительное. Все лучшіе мастера, гдѣ бы они не являлись, тотчасъ же брались къ Москвѣ, по Царскимъ указамъ. При томъ и въ посредственныхъ издѣліяхъ финифти, каковы мѣдные кресты, коробки, чернильницы и т. п., едва ли можно отыскивать слѣды вкуса, принадлежавшаго тому, или другому, городу. Вообще у насъ нѣтъ никакихъ положительныхъ данныхъ, а слѣдовательно и основанія, указывать различіе финифтянаго дѣла по городамъ, потому что весьма мало имѣемъ свѣдѣній о городскомъ развитіи ремесла въ древнее время. Оттого мы и не указываемъ никакихъ другихъ городовъ, извѣстныхъ по финифтяному дѣлу; кромѣ Москвы и въ позднѣйшее время Ростова.» Оставимъ до времени въ сторонѣ тонкости вопросовъ о городскомъ развитіи художественныхъ ремеселъ въ Россіи, какъ, на примѣръ, о слѣдахъ вкуса или стиля, степени вліянія въ этомъ отношеніи одного города на другой и проч. Вопросы эти рѣшать пока еще не своевременно и не къ мѣсту. При томъ они выходятъ изъ тѣхъ предѣловъ статьи, описывающей одинъ только памятникъ. Не злоупотребляя довѣрія читателей, мы считаемъ себя въ правѣ обратить ихъ вниманіе только на факты, состоящіе въ непосредственной связи съ описываемымъ памятникомъ. Такъ, приготовленіе въ XVI столѣтіи не въ Москвѣ, а въ Новгородѣ, той же золотой съ финифтлями, запоны видимо противорѣчитъ заключеніямъ г. Забѣлина, будто Москвою ограничивался кругъ дѣятельности финифтичикоу того времени. Какъ нарочно мы не можемъ указать другаго лучшаго произведенія финифтей Московскаго дѣла, сохранившагося съ положительными указаніями отъ того же періода. Мы вполне раздѣляемъ мнѣніе г. Забѣлина, что Москва въ XVII столѣтіи была средоточіемъ всей нравственной дѣятельности, что заботы ея о централизаціи въ то время принесли плоды свои и въ отношеніи искусства; но мы убѣждены въ то же время, что въ XVI столѣтіи, и особливо въ первую его половину, были еще города, которые могли соперничать съ нею въ произведеніяхъ искусствъ. Тогда еще Москва не успѣла

¹ Стр. 57.

подавить все городское развитіе ремесленныхъ художествъ, такъ же какъ не успѣла сманить и мастеровъ. Все это произошло, по свидѣтельству источниковъ, только въ XVII столѣтіи, и преимущественно въ царствованіе Алексѣя Михайловича. До того же времени мы не имѣемъ ясныхъ историческихъ свѣдѣній, свидѣтельствующихъ о превосходствѣ Московскихъ мастеровъ какого бы то ни было дѣла предъ мастерами другихъ городовъ, и особливо Новгорода, о которомъ и въ письменныхъ свидѣльствахъ, и въ самыхъ памятникахъ, сохранились очевидныя доказательства, что еще въ XVI столѣтіи онъ соперничалъ съ Москвою, имѣлъ значительный перевѣсъ въ количествѣ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ древности, и никакъ не уступалъ ей въ качествѣ вновь создававшихся. Видно Москвѣ, нѣсколько столѣтій хлопотавшей объ основаніи своего значенія, въ ущербъ другимъ Русскимъ городамъ, не такъ легко было подорвать внутреннія силы Новгорода, который съ древнѣйшихъ временъ находился въ торговыхъ сношеніяхъ съ образованными государствами, сначала съ Византіей, потомъ съ Нѣмцами, былъ передовымъ городомъ и факторомъ сношеній Европы съ Россією, пользовался не только матеріальными выгодами этихъ сношеній, но и плодами успѣховъ цивилизаціи, вызывалъ заморскихъ мастеровъ, сооружалъ замѣчательнѣйшія памятники. Чтобы окончательно сокрушить его, вѣками скрѣпленное, могущество, недостаточна была даже катастрофа 1478 года; цѣлое столѣтіе послѣ нея онъ доживалъ еще своей старинной и волей, пока Іоаннъ Грозный не разгромилъ его въ конецъ, истребилъ его гражданъ и разграбилъ памятники. XVI столѣтіе, и особливо его первая половина, многимъ чѣмъ разнится въ исторіи древнерусскаго искусства отъ XVII-го, и потому ни въ какомъ случаѣ не можетъ стоять за одно съ послѣднимъ, ни даже въ вопросахъ о городскомъ развитіи художественныхъ ремеслъ.

Мы могли допустить, что весь окладъ Мстиславова Евангелія, за исключеніемъ его древнихъ эмалей, былъ приготовленъ во время обновленія его въ XVI вѣкѣ въ Новгородѣ, но наврядъ бы допустили подобнаго рода издѣліе въ томъ же городѣ въ XVII столѣтіи. Мы скоро соберемъ матеріалы для исторіи развитія искусства по городамъ, если не будемъ пренебрегать подробными изслѣдованіями памятниковъ, надписями и приписками, свидѣтельствующими подобно нашей. По характеру свидѣтельства мы должны заключить, что финифтяное дѣло въ Новгородѣ въ XVI столѣтіи не составляло

большой важности, или, по крайней мѣрѣ, рѣдкости. О немъ въ припискѣ не только не упоминается вскользь, но даже разумѣется подъ общимъ именемъ обновленія. О подробностяхъ изображеній и о характерѣ самой финифти, являющихся на большой запонѣ этого оклада, какъ произведеніи Новгородскаго дѣла XVI столѣтія, мы скажемъ далѣе; замѣтимъ здѣсь только, что по способу производства финифть этой запоны принадлежитъ къ особому дѣлу, о которомъ мы ровно ничего не находимъ въ сочиненіи автора исторіи Русской финифти. Золотое гладкое основаніе покрыто самымъ тонкимъ слоемъ финифти. Три цвѣта: синій, голубой и зеленый служатъ для опредѣленія всего доличнаго, всего заключеннаго въ очеркѣ для обозначенія же тѣлесности, лица, рукъ и ногъ, общаго очертанія фигуръ и его подробностей, служитъ золотое основаніе, оставленное непокрытымъ финифтяною массою. Последнее напоминаетъ собою древнѣйшіе приемы Византійскихъ мастеровъ, пролагавшихъ очеркъ золотыми пластинками, припаянными на ребро. Изъ числа восьми фигуръ, представленныхъ на запонѣ, только у двухъ шестокрылыхъ лица сохраняютъ цвѣтъ эмали тѣлесной. Русскія надписи съ прибавочными, по Новгородскому обычаю XVI столѣтія, Греческими агіосами и двойная кайма, окружающая запону и ея отдѣльныя изображенія, исполнены такою же тонкослойною финифтью синяго цвѣта. Не смотря на нѣкоторую условность въ положеніяхъ фигуръ и расположеніи складокъ одежды, общую всѣмъ памятникамъ иконописи того же времени, изображенія исполнены со вкусомъ, и свидѣтельствуютъ о значительной степени развитія Новгородскаго искусства въ XVI столѣтіи. Поверхность изображеній совершенно гладкая, вовсе не выдается сверхъ уровня основанія или дощечки, что, по видимому, доказываетъ, что финифтяная масса положена въ незначительныя углубленія, сдѣланныя для того въ основаніи. Не отыскивая напраснаго сходства въ способѣ этого производства финифти съ Западнымъ, гдѣ въ то время процвѣтало совершенно другаго рода производство, или рельефной эмали, или росписной, мы уясняемъ себѣ его туземное начало въ производствѣ, общемъ съ работою заливной черни, которою украшены въ Россіи многіе металлическіе памятники, дробницы со святыми изображеніями, накладки съ надписями на иконахъ, и другія произведенія преимущественно XVI-го же столѣтія. Но мы не пишемъ исторіи финифти, и потому до времени воздержимся отъ подробностей,

не касающихся непосредственно нашего памятника, оклада Мстиславова евангелія; будемъ довольны тѣми результатами, которые истекаютъ прямо изъ изученія этого памятника, именно, что XVII столѣтіе не составляетъ пробѣла въ исторіи Русскихъ художествъ, ни со стороны письменныхъ свѣдѣній, ни со стороны сохранившихся памятниковъ; что художественныя ремесла въ то время существовали по городамъ и не составляли исключительной монополіи Московскаго Государства. Результаты эти діаметрально противоположны тѣмъ, которые извлечены изъ изученія того же памятника авторомъ исторіи финифти въ Россіи. Какимъ же образомъ онъ подвергалъ изученію памятника? «Въ исчисленіи памятниковъ финифтянаго дѣла.» замѣчаетъ онъ, «мы особенно руководствовались тѣмъ, чтобы по возможности вѣрнѣе опредѣлить характеръ производства; потому всѣ исчисленные памятники мы имѣли случай обозрѣвать лично, и только нѣкоторые, впрочемъ, немногіе, отнесли къ тому или другому производству, основываясь на рисункахъ, снятыхъ, большею частію, въ высшей степени вѣрно и до подробностей точно, на пр., въ Древн. Рос. Гос.» По видимому, ничего больше не оставалось желать: за вѣрность опредѣленія памятниковъ ручался планъ, принятый для того въ руководство авторомъ исторіи финифти, а за точность выводовъ ручалась извѣстная ученость, добросовѣстность того же автора. Онъ долженъ былъ подвергнуть тщательному личному наблюденію каждый памятникъ, и только въ крайнихъ случаяхъ основываться на рисункахъ. Но, съ одной стороны, рисунки въ Древностяхъ Россійскаго Государства не отличаются археологической точностью, съ другой, авторъ не всегда оставался вѣренъ принятому имъ плану. Описаніе этого оклада и, какъ увидимъ въ послѣдствіи, другихъ, не менѣе замѣчательныхъ и также легко доступныхъ, памятниковъ, исполнено имъ не съ памятниковъ, а съ рисунковъ. Мы бы не рѣшились выставить всего этого на видъ и въ укоръ уважаемому нами собрату по наукѣ, если бы не требовала того еще болѣе уважаемая нами польза науки. При существующей у насъ довѣрчивости ко всему печатному, не вполне знакомый съ дѣломъ легко могъ впасть въ заблужденіе, полагаясь на сдѣланныя ошибочно опредѣленія памятниковъ; наше дѣло предупредить это и посоветовать обращаться къ первоначальнымъ источникамъ, не слишкомъ вѣряясь описаніямъ. То же слѣдуетъ замѣтить и о рисункахъ Древностей Россійскаго Государства. Не смотря на все великолѣпіе

этого изданія, на все огромное его значеніе для распространенія знакомства съ памятниками древности вообще, оно далеко не удовлетворяетъ строгимъ требованіямъ науки, можетъ быть полезно для диллетантовъ, но не для ученыхъ; описывать съ его рисунковъ памятники такой же рискъ, какъ и основывать ихъ оцѣнку на неточныхъ описаніяхъ Русскихъ Древностей. Главнѣйшія невыгоды отъ такихъ неточныхъ описаній и невѣрныхъ опредѣленій памятниковъ — это совершенно невѣрные результаты, отъ нихъ происходящія. Слѣды подобнаго рода невыгодъ особенно ощутительны въ сочиненіяхъ, имѣющихъ цѣлю исторію отдѣльныхъ производствъ. Здѣсь наскоро собранные и невѣрно опредѣленные памятники влекутъ за собою цѣлый рядъ неточныхъ выводовъ. Такъ мы уже видѣли неосновательность отрицательныхъ выводовъ, къ которымъ пришелъ авторъ историческаго обзоренія финифтянаго дѣла въ Россіи, не замѣтивъ приписки о поповленіи оклада Мстиславова Евангелія и не подвергнувъ внимательному изученію описаннаго имъ памятника; теперь разсмотримъ степень точности его положительнаго вывода, сдѣланнаго на тѣхъ же основаніяхъ. Мы приняли двѣ формы Мстиславова оклада, непосредственно основанныя на письменныхъ свидѣтельствахъ и изученіи самаго памятника: одну первоначальную, которую имѣемъ болѣе права отнести къ 1125 году, чѣмъ наши предшественники относили къ этому году написаніе рукописи Евангелія, другую позднѣйшую, 1551 года, сохранившуюся до нашего времени. Прежніе описатели оклада относили, какъ извѣстно, эту послѣднюю форму по происхожденію къ 1125 году, исключительно увлекаясь древнѣйшею припиской Наслава и оставляя безъ всякаго вниманія характеръ произведенія и позднѣйшую приписку, свидѣтельствующую о обновленіи оклада. Отъ невѣрности основанія произошли въ послѣднемъ случаѣ невѣрныя слѣдствія. Принимая безусловно окладъ за Византійское произведеніе XII столѣтія и найди въ сканномъ разводѣ его финифтяныя украшенія, г. Забѣлинъ приходитъ къ заключенію, что это былъ у Византійцевъ общепотребительный способъ украшенія. «Способъ налагать финифть по сканному разводу едва ли не заимствованъ еще у Византійскаго производства, по крайней мѣрѣ онъ встрѣчается на окладѣ Мстиславова Евангелія.»¹ Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ объ этомъ нѣсколько положительнѣе: «Кромѣ того, въ Византійскомъ производствѣ для финиф-

¹ Стр. 17.

тяныхъ украшеній употреблялся и сканной разводъ, какой видимъ, на примѣръ, на окладѣ Мстиславова Евангелія.»¹ Если бы и было такого рода украшеніе на разсматриваемомъ нами памятникѣ, то мы бы были готовы отнести его, вмѣстѣ съ окладомъ, скорѣе къ XVI, нежели къ XII столѣтію, потому что вышеизложенныя причины заставили насъ сомнѣваться въ происхожденіи этой скани со времени основанія Евангелія; но мы не нашли, при самомъ внимательномъ осмотрѣ памятника, никакихъ слѣдовъ Византійскій финифти среди сканной орнаментики этого оклада. Четыре съ крестами и розетками кружечка по сторонамъ большой заповни середника, также какъ и рещейчатое углубленіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ скани, сохранили дѣйствительно слѣды разцвѣченія, но они напоминаютъ скорѣе остатки отъ густыхъ личныхъ красокъ, чѣмъ финифтяные составы. Это какая-то цвѣтная подслойка, сохранившаяся только на днѣ углубленій и не имѣющая ровно ничего, общаго съ способомъ производства древней финифти Византійской, которая, какъ извѣстно, въ случаѣ поврежденія, вынадала цѣлыми частями, не оставляя на днѣ металла никакихъ признаковъ цвѣта. Мы, конечно, не можемъ еще подвергнуть эти остатки химическому анализу, путемъ котораго вопросъ рѣшился бы окончательно; но даже и по очевиднымъ основаніямъ должны отнести ихъ не къ древне-Византійскому производству XII столѣтія, а къ Русскому XVI. Нѣсколько подобныхъ углубленій сохранились на древнѣйшемъ памятникѣ Византійской скани, Мономаховой шанкѣ Оружейной Палаты, въ травныхъ украшеніяхъ и рещейкахъ среди завитковъ Византійской скани; но чѣмъ они были наполнены — это рѣшить въ настоящее время трудно; можетъ быть даже, что это былъ только своеобразный способъ украшенія скани, употреблявшійся для того, чтобы нѣкоторые изъ орнаментовъ яснѣе представить, если при чисткѣ этого памятника въ старые годы не изгладились слѣды разцвѣченія. Все это, впрочемъ, только вопросы, которые рѣшить остатками красокъ на окладѣ Мстиславова евангелія невозможно, потому что работа скани послѣдняго памятника позднѣйшая. Сохранившіеся цвѣта въ орнаментахъ оклада густые, непрозрачные: синій, красный, кирпичный, сизый.

Чтобы заключить нашъ разборъ приписки евангелія, разсмотримъ еще слѣдующее выраженіе: «повелѣніемъ благочестиваго ц. и г. в. кн. Ив. Вас. всеа руси, при паствѣ господина преосвя-

¹ Стр. 27. См. то же при описаніи оклада, приведенномъ выше.

ценнаго Серапіона, Архіепископа Новагорода и Пскова. Обыкновенная формула, опредѣляющая время созданія памятника обозначеніемъ Государя, была, какъ извѣстно, при державѣ, также какъ и Епископа, при паствѣ; слово же повелѣніе указываетъ, по видимому, на личное участіе Царя Іоанна Васильевича въ обновленіи памятника. Но едва ли Царь принималъ такое участіе, хотя церковь, въ которой хранилось евангеліе, находилась въ опредѣленной зависимости отъ Московскихъ Государей, и хотя самъ Іоаннъ Васильевичъ, въ бытность свою въ Новгородѣ, могъ посѣтить и церковь, увидѣть это евангеліе и приказать возобновить его. Не смотря однако жъ, на все это, на памятникахъ и въ лѣтописяхъ того времени, на ряду съ выраженіемъ при державѣ еще чаще встрѣчается повелѣніемъ, такъ что оба эти выраженія можемъ принять за тождественныя и равносильныя выраженію при паствѣ Серапіона. Этотъ Серапіонъ, по прозванію Курцовъ, будучи поставленъ въ Архіепископы Новагорода и Пскова изъ игуменовъ Троицко-Сергіева монастыря, въ томъ же 1551 году, 14 Іюня, прибылъ въ Новгородъ уже 23 Августа, слѣдов., уже послѣ обновленія евангелія, происходившаго въ Іюль, а чрезъ годъ и два мѣсяца преставился отъ мороваго повѣтрія.

Выше замѣтили мы, какъ трудно рѣшить окончательно, за недостаткомъ точныхъ опредѣленій послѣсловія, въ чемъ собственно состояло дѣло обновленія оклада въ 1551 году, и ограничили предположенія свои очевидными свидѣтельствами, сохранившимися на самомъ памятникѣ, признаками работы, подходящей къ періоду обновленія. Тѣмъ не менѣе неопредѣленность выраженія: обновлено бысть святое евангеліе, можетъ служить обширнымъ полемъ для предположеній и соображеній, истекающихъ непосредственно изъ оставшихся слѣдовъ сохранившагося памятника. Понятіе обновленія обусловливаетъ, предполагаетъ понятіе обветшанія. Въ самомъ дѣлѣ, за періодъ времени, продолжавшійся болѣе четырехъ съ половиною столѣтій, памятникъ могъ состарѣться. При извѣстныхъ условіяхъ невыгоды, которымъ подвергалась большая часть богатѣйшихъ памятниковъ древности въ самыхъ церквяхъ Новгорода, нередко тревожимаго пожарами, внутренними и внѣшними расхищеніями и всякаго рода неурядицей, можно легко допустить, что памятникъ потребовалъ обновленія и гораздо ранѣе извѣстнаго намъ срока. Легко можетъ быть, что между 1125 и 1551

годами онъ обновлялся и не одинъ разъ, хотя свѣдѣнія сохранились только о послѣднемъ его обновленіи. Въ пользу этого сильно свидѣтельствуетъ, въ свою очередь, сборный характеръ его разновременныхъ финифтей, совпадающій, быть можетъ, съ различными періодами такого рода обновленій; далѣе порядокъ размѣщенія финифтей, въ которомъ позднѣйшія занимаютъ главнѣйшія мѣста, древнѣйшія же употребляются для дополненія и украшенія позднѣйшихъ; наконецъ самый способъ укрѣпленія финифтей, который, вмѣстѣ съ прерывающимися орнаментами скани, указываетъ готовое основаніе, на которое въ послѣдствіи времени наложены, можетъ даже одновременно, различныя финифтяныя дощечки.

Изъ всего этого рождается новое предположеніе, что въ ближайшій къ совершенію перваго оклада періодъ были уже затеряны, или повреждены, первоначально наложенныя эмали, такъ что цѣлое терѣло свое значеніе; они могли быть замѣнены позднѣйшими современными тому случаю эмалями, которыя, составляя собою цѣлую коллекцію, помѣщены на главнѣйшее мѣсто, оставшееся отъ утраченныхъ, или поврежденныхъ, эмалей незапятнаннымъ. Такой порядокъ размѣщенія могъ удержаться и при послѣдующемъ обновленіи оклада, когда приготовлена вновь для оклада, или взята съ другаго памятника, серебряная сканная доска.

Мы имѣемъ нѣкоторыя причины отнести одно изъ подобныхъ обновленій Мстиславова евангелія къ XIII столѣтію. Изображенія св. мучениковъ получили мѣсто на окладахъ евангелій, по видимому, въ это время; по крайней мѣрѣ въ лѣтописяхъ нашихъ сохранились на то положительныя свидѣтельства; между тѣмъ по работѣ, изображенія св. мучениковъ на окладѣ Мстиславова евангелія, вмѣстѣ съ изображеніемъ Спасителя, какъ увидимъ въ послѣдствіи, относятся именно къ періоду, легко допускающему помѣщеніе этихъ финифтей: потому что они приготовлены ранѣе, по видимому, даже цѣлымъ столѣтіемъ и занесены, какъ мы знаемъ, изъ другаго памятника. На окладѣ же они занимаютъ главнѣйшія, первыя мѣста. Вокругъ Спасителя группируются древнѣйшія и позднѣйшія изображенія. Такъ вверху его древнѣйшее изображеніе «Престола Господня», не встрѣчаясь самостоятельно, употреблено здѣсь въ отношеніи къ позднѣйшему изображенію Спасителя; то же, только въ обратномъ отношеніи позднѣйшихъ изображеній къ древнѣйшему, слѣдуетъ замѣтить о фигурахъ силъ небесныхъ, евангелистовъ, и проч.

Какъ бы то ни было, мы считаемъ самымъ удобнымъ разсматривать подробности отдѣльныхъ коллекцій финифтей этого оклада именно въ такомъ порядкѣ, какъ будто бы памятникъ украшался ими разновременно, и будемъ разбирать ихъ въ подробностяхъ не по старшинству времени, а по старшинству занимаемаго ими мѣста на окладѣ Мстиславова евангелія. Мы имѣемъ право поступить такъ уже по тому, что ни въ одномъ послѣсловіи не находимъ прямыхъ указаній на какія нибудь изъ этихъ финифтей, какъ существующія на первоначальномъ окладѣ. Не имѣя такимъ образомъ положительныхъ свидѣтельствъ на то, какія изъ нихъ заняли первыя мѣста на окладѣ, даже первоначальномъ, мы имѣемъ полное право дать мѣсто предположенію, лишь бы оно основывалось на достовѣрности, соответствовало времени сооруженія финифтей. Такимъ образомъ относительная важность мѣста, занимаемаго финифтями на окладѣ, полнота состава или сюжетовъ отдѣльныхъ собраній, наконецъ самое отношеніе этихъ произведеній къ содержанію рукописи, все это должны мы принять въ соображеніе при разборѣ финифтей. Къ другаго рода основаніямъ прибѣгать мы не будемъ. Относительное старшинство надписей, ихъ характеръ, вообще чисто палеографическія данныя здѣсь мало принесутъ пользы, также какъ мало помогутъ и самыя тщательныя наблюденія надъ характеромъ финифтей, безъ отношенія ихъ къ рисунку и содержанію рукописи; потому что когда памятникъ украшается не съ разу современными его сооруженію украшениями, то не всегда древнѣйшее изъ нихъ занимаетъ первое мѣсто, а позднѣйшее въ послѣдствіи, весьма часто въ такихъ случаяхъ происходитъ на оборотъ: сначала ставится позднѣйшее или ближайшее къ современному украшенію, потомъ прибавляется къ нему древнѣйшее и проч. Примѣры подобные перѣдки, и надо имѣть большой навыкъ, чтобъ иногда не впасть въ заблужденіе, при опредѣленіи времени памятника и его украшеній, если они несовременны другъ другу.

Принимая въ соображеніе все вышесказанное, мы, по видимому, не сдѣлаемъ большой ошибки, если, оставивъ до времени въ сторонѣ древнѣйшія эмали оклада, отнесемъ къ числу первыхъ его украшеній тѣ изъ нихъ, которыя по характеру рисунка ближе подходятъ ко времени приготовленія оклада. Изъ трехъ главныхъ видовъ финифтей правильнѣе будетъ отнести сюда шесть финифтей кивотцами. Извѣстно, что простѣйшіи и вмѣстѣ древнѣйшіи спо-

собъ украшеній металлическихъ окладовъ евангеліи, посредствомъ накладныхъ изображеній, состоялъ въ помѣщеніи середника и четырехъ наугольниковъ. На тѣхъ же мѣстахъ мы находимъ и эти финифти. При наложеніи ихъ здѣсь на пять мѣстъ, одна финифть, оказавшаяся лишнею, помѣщена подъ середникомъ и между двумя нижними наугольниками. Сличая всѣ шесть финифтей между собою, мы находимъ ихъ совершенно одинаковыми по общей формѣ золотыхъ дощечекъ, на которыхъ исполнены, по общему характеру рисунка и самыхъ красокъ, наконецъ по мелчайшимъ подробностямъ того положенія, въ которомъ дощечки предстоятъ нашему изученію.

Мы уже видѣли прежде, что всѣ вообще, паходящіяся на окладѣ финифти, не были первоначально приготовлены для того же оклада, а занесены сюда изъ другихъ памятниковъ; ни въ одномъ изъ видовъ финифтей это такъ не замѣтно, какъ въ этомъ. Кромѣ замѣченнаго нами, прежде случайнаго, способа прибоа, съ незакрытыми, весьма неудачно-сдѣланными, обрѣзами, на это указываетъ отчасти самая форма дощечекъ совершенно неудобная для помѣщенія изображеній, особливо по угламъ оклада.

Пятиугольники съ острыми верхними углами на четырехугольномъ окладѣ образуютъ совершенно лишнія и вовсе некрасивыя отрѣзки, происходящія отъ пересѣченія линій оклада съ линіями при острыхъ углахъ дощечекъ. Въ старину понимали это неудобство и старались избѣгать его; потому въ древнѣйшихъ памятникахъ, въ которыхъ подобнаго рода накладныя изображенія помѣщались одновременно съ приготовленіемъ окладовъ, наугольники имѣютъ обыкновенно форму четырехугольную, которой двѣ линіи параллельны съ линіями при углахъ оклада. Накладные же наугольники съ острыми вершинами весьма рѣдки, скорѣе составляютъ собою исключеніе и встрѣчаются только на позднѣйшихъ памятникахъ. Происхожденіе ихъ едва ли не вызывалось исключительною необходимостью пристроить готовые и прежде существовавшіе изображенія по новымъ окладамъ, или неумѣстнымъ подражаніемъ памятнику, получившему начало въ слѣдствіе той необходимости. Разумнаго и эстетическаго начала въ этомъ видѣть не рѣшаемся. Изъ извѣстныхъ намъ Русскихъ окладовъ, мы можемъ указать только на одинъ памятникъ въ этомъ родѣ — это окладъ, принадлежащій Троицко-Сергіевой Лаврѣ, окованный въ 1393 году бояриномъ Федоромъ Андреевичемъ. Накладныя финифти его имѣютъ также видъ кивотъ

цевъ съ городками, и потому сверху они заострены; но окладъ этотъ, по видимому, то же сборный, составной.

Наконецъ, всматриваясь однажды въ подробности шести дощечекъ кивотцами, мы увидѣли кругомъ ихъ, по краямъ, едва замѣтныя для невооруженнаго глаза проколотыя скважины, которыхъ мы насчитали кругомъ нѣкоторыхъ до двѣнадцати; они сдѣланы въ одинаковомъ одна отъ другой разстояніи. Открытіе это убѣдило насъ окончательно въ переносномъ характерѣ шести финифтей и сборномъ всего памятника; кромѣ того оно навело насъ на мысль относительно первоначальнаго помѣщенія шести финифтей. Замѣченныя нами скважины, конечно, не что другое, какъ отверстія для шва, посредствомъ котораго дощечки прикрѣплялись къ какой нибудь матеріи. Последнее не подлежитъ сомнѣнію, потому что оправдывается примѣрами на многихъ подобнаго рода памятникахъ. Трудно только рѣшить, куда именно были приняты наши финифти, и къ какому употребленію служили до появленія на окладѣ Мстиславова евангелія; но мы позволимъ себѣ въ этомъ случаѣ догадку, которая въ основѣ своей имѣетъ много вѣрнаго и можетъ быть окончательно оправдана временемъ. Онѣ были нашиты на матерію, выкроенную для оплечья и служили святыми бармами, діадимами, какъ называются они въ описяхъ Царской казны XVI и XVII вѣка. До сихъ поръ извѣстно, что нашивныя святыя изображенія на бармахъ имѣли двѣ господствующія формы, одну круглую, другую, совершенно подобную нашимъ финифтямъ, называемую въ древнихъ описяхъ кивотцемъ. Та и другая форма существовали рядомъ, одновременно на древнѣйшихъ памятникахъ и оттуда перешли на памятники XVII вѣка. Кромѣ скважинъ въ дощечкахъ, общей формы ихъ, въ пользу нашей догадки говорятъ даже сдѣланныя кругомъ дощечекъ, по краямъ выгибы, образующіе поверхность дощечекъ нѣсколько возвышенною, а всѣ края скатными; наконецъ самое отсутствіе надписей, которое обуславливалось особенностью назначенія святыхъ изображеній на бармахъ. Извѣстно, что на всѣхъ памятникахъ, служившихъ въ древнее и новѣйшее время для поклоненія, не смотря на крайнюю иногда ограниченность мѣста, изображенія святыхъ сопутствуются надписями, которыя были необходимы для изображеній, изготовлявшихся въ большомъ количествѣ и для всеобщаго потребленія. Напротивъ того бармы, служа знакомъ отличія Царскаго достоинства, изготовлялись въ единствен-

ныхъ экземплярахъ и потому не было существенной нужды обозначать предметы ихъ изображеній. Носившій, и безъ помощи надписи, долженъ былъ знать, какіе святыя изображены на его бармахъ. Такимъ образомъ мы не встрѣчаемъ надписей на изображеніяхъ Рязанскихъ бармъ, Суздальскихъ¹ и на шитыхъ бармахъ XVII столѣтія. Что касается до предметовъ изображеній на бармахъ, то они, по видимому, не обходились безъ изображенія Спасителя или, какъ говорятъ письменныя свидѣтельства, Спасова образа; кромѣ того, всегда по содержанию имѣли отношеніе къ общей идеи Государя, или къ частной личности того Государя, который носилъ ихъ, о чемъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ, въ особомъ изслѣдованіи о бармахъ. Въ числѣ святыхъ, изображенныхъ на шести разсматриваемыхъ нами финифтяхъ, мы дѣйствительно находимъ намекъ въ подтвержденіе вышесказаннаго въ образѣ двухъ святыхъ князей; прочія три изображенія могутъ быть святыя, по выраженію древнихъ, тезоименитыя того Государя, который носилъ бармы, и его семейства. Если бы мы знали, кто именно изображенъ на этихъ бармахъ, то это бы много способствовало къ окончательному разъясненію вопроса; но мы увидимъ въ послѣдствіи, какъ трудно братья за опредѣленіе ихъ, при недостаткѣ на финифтяхъ надписей. Чтобы заключить здѣсь наши предположенія объ этихъ шести финифтяхъ, какъ образахъ древнимъ бармъ, мы не лишнимъ считаемъ дополнить описаніе ихъ сдѣланнымъ нами при изученіи бармъ замѣчаніемъ. Постояннымъ числомъ запонокъ съ изображеніями было на бармахъ, по видимому, шесть и восемь. Такимъ образомъ или они сохранились сполна, или недостающія двѣ запоны могли быть съ изображеніями двухъ боковыхъ лицъ изъ Деисуса, Богоматери и Протечки. Отверстія, которыми бармы пришивались къ матеріи, закрывались или жемчужною обнизью, или сканными украшеніями. Если предположеніе объ этихъ финифтяхъ справедливо, то мы получили нѣсколько новыхъ украшеній древнихъ одеждъ нашихъ Государей, образцовъ, замѣчательнѣйшихъ для разъясненія довольно темныхъ вопросовъ о бармахъ, и для многихъ соображеній, на которыя они должны, со временемъ, привести археолога.

¹ Оба памятника названы такъ по мѣсту открытія ихъ и находятся въ Московской Оружейной Палатѣ.

Мы имѣемъ право уже по тому назвать эти шесть финифтей первыми, явившимися на окладѣ, что они занимаютъ здѣсь важнѣйшія мѣста, именно, тѣ самыя, которыя, по существовавшимъ изстари понятіямъ, прежде всего должны были замѣститься; но кромѣ того, и по характеру ихъ исполненія, они ближе другихъ относятся ко времени написанія евангелія и приготовленія оклада. Будучи исполнены позднѣе всѣхъ прочихъ коллекцій финифтей этого оклада, кромѣ большой запоны, окружающей середникъ, и далеко уступая имъ въ работѣ, онѣ на окладѣ заняли мѣста ранѣе всѣхъ, и потому прежде должны были нами разсмотрѣны.¹

Намъ уже извѣстно, въ какомъ порядкѣ размѣщены эти финифти по окладу. Среди оклада, на финифти, окруженной позднѣйшей работою запоною, изображенъ Спаситель, внизу отъ него, надъ линіею оклада, мученикъ, тутъ же, по сторонамъ послѣдняго, въ нижнихъ углахъ оклада, два князя мученика, наконецъ, въ соотвѣтствіе послѣднимъ, на двухъ верхнихъ углахъ оклада, еще два святыхъ мученика. Всѣ шесть изображеній исполнены финифтью на одинаковой величинѣ золотыхъ пятиугольныхъ дощечкахъ (1 вершка вышиною и $\frac{6}{8}$ вершка шириною). Фигуры всѣ прямоличныя, поясныя, съ вѣнцами вокругъ главы, съ положенными возлѣ груди руками. Спаситель одною благословляетъ, въ другой держитъ закрытый свитокъ, остальные въ правой рукѣ держатъ Греческій четырехконечный крестъ. Одежда на Спасителѣ, обыкновенно принадлежащая иконому типу Спасова образа, состоитъ изъ исподней ризы и верхняго хитона, закрывающаго малую часть праваго плеча и всю лѣвую сторону, на двухъ князьяхъ, кромѣ исподи, накинута богатыя, застегнутыя ниже шеи запоны, княжескія поволоки, а на головахъ княжескія шанки съ мѣховою опушкою, на трехъ святыхъ мученикахъ такимъ же образомъ застегнутыя, мученическія ризы или приволоки, изъ подъ коихъ видно исподи еще среднее облаченіе,² украшенное запонами, которыхъ у одного святаго здѣсь

¹ Мы просимъ желающихъ слѣдить за описаніемъ въ подробности, имѣть въ виду самый подлинникъ, ни какъ не рисунокъ, приложенный къ Древн. Рос. госуд., который неудачно выполненъ и во многихъ мѣстахъ даже невѣренъ, въ чемъ легко могутъ удостовѣриться слушающіе его съ нашимъ описаніемъ.

² Подобнаго рода облаченія святыхъ въ три ризы встрѣчаются на древнѣйшихъ памятникахъ не такъ часто. Изъ извѣстныхъ намъ Византійскихъ инкрустиро-

недостаетъ вовсе. Всѣ эти, по видимому, лишнія, утомительныя подробности весьма важны въ археологіи иконописи. Не слѣдуетъ забывать, что въ то время, когда были исполнены эти финифти, символизмъ сильно господствовалъ въ церковномъ искусствѣ и на священныя памятникахъ не допускалось ни одной черты случайной, напрасной, не имѣвшей особаго значенія. Продолжая сличать изображенія между собою, мы замѣчаемъ различія въ самомъ цвѣтѣ вѣщцовъ. Отъ темно-синяго вокругъ головы князей онъ переходитъ въ свѣтлоголубой у двухъ мучениковъ, въ самый свѣтлый съ чинами у Спасителя, и наконецъ отдѣляется въ зеленый у одного мученика, именно у того, который на средней одеждѣ не имѣетъ запоны.

Въ вѣщцахъ эмалей мы можемъ указать на прекрасный ковчегъ для св. мощей въ Лимбургѣ; его обыкновенно относятъ къ X столѣтію, но основательнѣе будетъ отнести къ XI, или даже XII. Въ числѣ шести поясныхъ святыхъ изображеній на золотыхъ квадратныхъ дощечкахъ съ надписями, кромѣ трехъ святителей, Василия Великаго, Іоанна Златоустаго и Николая Чудотворца, съ обычными принадлежностями святителей, мы находимъ здѣсь трехъ мучениковъ, Феодора, Георгія и Евстаѣя. Облаченія послѣднихъ вполне соответствуютъ изображеннымъ на трехъ мученикахъ трехъ пятиугольныхъ дощечекъ оклада Мстиславова. Но, къ сожалѣнію, памятникъ этотъ извѣстенъ намъ еще только по рисункамъ, помѣщеннымъ въ Лѣтописяхъ Дидрона за 1838 годъ, а изображенія его здѣсь не воспроизведены красками, да и въ текстѣ мы не нашли весьма важныхъ для насъ подробныхъ указаній. Сколько можно видѣть изъ рисунковъ, паволоки всѣхъ трехъ мучениковъ, закрывая лѣвое плечо, застегнуты запоною у праваго, точно также какъ въ нашихъ изображеніяхъ. Только въ половину видна кисть правой руки покоится съ четырехколенномъ крестомъ на особомъ среднемъ облаченіи; паволоки отстранены здѣсь, по видимому, съ цѣлю больше выказать крестъ, нижняя одежда видна у праваго плеча. Изъ позднѣйшихъ изображеній тѣхъ же святыхъ и съ тѣми же принадлежностями припомнимъ двѣ небольшія ящмы, принадлежація Патріаршей ризницѣ: одна овальная, другая аркой; на одной вырѣзанъ вышукло св. Великомученикъ Георгій, на другой, съ обѣихъ сторонъ: св. Феодоръ и Пятница, Архангелъ Михаилъ и Николай Чудотворецъ. Св. мученики: Георгій и Феодоръ представлены здѣсь стоящими въ видѣ воиновъ съ бранными доспѣхами, у обоихъ въ правой рукѣ копье, въ лѣвой коническіи щитъ. Святый Феодоръ стоитъ подъ аркой, прямолично и рядомъ съ св. Параскевой. Паволока закинута съ обоихъ плечъ назадъ, и обѣ руки заняты оружіемъ. Подъ паволокою видны двѣ одежды, обѣ перехвачены поясомъ, нижняя одежда длиннѣе, средняя по колѣна. Судя по характеру рѣзбы, рисунку и сопровождающимъ изображенія подписямъ, памятникъ этотъ Русской работы не древнѣе XV столѣтія. Святый Георгій, изображенный на овальной ящмѣ, относится къ Греческимъ изображеніямъ и видимо древнѣе перваго.

Изъ числа прочихъ двухъ святыхъ мучениковъ у одного подобныхъ заповнѣ три, у другаго шесть. Три раздѣленія вѣнца Спасителя обозначены бѣлымъ полемъ съ красными каймами и такими же точками. Окружающія вѣнцы всѣхъ каймы краснаго же цвѣта, также какъ и каймы нарукавьевъ, каймы же верхнихъ приволокъ бѣлаго цвѣта. Всѣ святые изображены прямолично, но глазамъ ихъ даны повороты различные. Волосы, брови, зрачки у всѣхъ сдѣланы черною финифтью, губы красною, носъ и глаза, кромѣ зрачковъ, золотыми очерками. Цвѣтъ тѣла свѣтло-розовый, но густой. Замѣчательно, что усомъ и бороды нѣтъ ни у одного изображенія этой коллекціи, признакомъ же возраста служить особый знакъ, который намъ не удавалось еще встрѣтить на другихъ памятникахъ. Для обозначенія средняго возраста съ небольшою бородою и усамъ проходитъ ниже горла золотой изгибъ, быть можетъ, грудной ключицы, котораго мы не встрѣчаемъ на лицахъ юнаго возраста. Такого рода изгибъ находимъ мы только у трехъ изображеній, и именно у тѣхъ, которыя, какъ увидимъ, по правиламъ иконографіи должны быть именно съ небольшими бородами.

Исподняя риза на Спасителѣ свѣтлозеленаго цвѣта, верхняя темносиняго, нарукавья желтыя, свитокъ въ лѣвой рукѣ бѣлый, глаза обращены влѣво. Лицо кругловато и подходитъ отчасти къ древнему типу Спаса Эммануила. Головные волосы, скусаясь пря-

Въ сохранившихся рукописахъ древней Русской иконописи положено различіе святыхъ изображеній, между прочимъ, и по количеству ризъ. Подлинники называютъ даже однихъ святыхъ одноризными, другихъ двоеризными, наконецъ третьихъ троеризными. До сихъ поръ еще не обращали на этотъ предметъ вниманія, и потому мы позволимъ себѣ о немъ нѣкоторыя замѣчанія. Изъ трехъ упомянутыхъ разрядовъ самое большое число святыхъ, какъ видно и изъ подлинниковъ, и изъ сохранившихся памятниковъ, двоеризныхъ, меньшая доля одноризныхъ, наконецъ на долю троеризныхъ выпадаетъ самая малая часть: ихъ не наберется между всѣми и сорока. Большая часть изъ нихъ упадетъ на мучениковъ и врачей безсребренниковъ, каковы: Сергіи и Вакхъ, Косма и Даміанъ, Гурій, Самонъ и Авивъ, Пантелеимонъ, Мина, Флоръ и Лавръ. Въ нѣкоторыхъ редакціяхъ подлинниковъ ни Георгія, ни Феодора не находимъ въ числѣ троеризныхъ. Любопытно бы было прослѣдить исторію этого вопроса въ подробностяхъ и разъяснить значеніе количества ризъ на святыхъ, основанное, вѣроятно, на исторіи облаченій и на отношеніи святыхъ къ известнымъ сословіямъ. Но объ этомъ говорить здѣсь не мѣсто; замѣтимъ только, что нѣредко подлинники въ разладѣ съ древнѣйшими изображеніями святыхъ.

дями и, не доходя до плечъ, заложены за уши и изъ за нихъ представляють косицы съ двумя на каждой сторонѣ кудрями. Въмѣсто бороды подъ горломъ находимъ упомянутый изгибъ самаго большаго размѣра. Внизу отъ Спасителя, на другомъ пятиугольникѣ, изображенъ св. мученикъ съ вѣнцомъ цвѣта, подходящаго къ Спасителю, исподъ на немъ темносиняя, верхняя риза — приволока, красная съ бѣлою каймою, средняя, на которой онъ держитъ краснаго цвѣта крестъ, зеленая, съ шестью красными запонами, нарукавья свѣтло-голубыя съ красною каймою. Лицо больше продолговато, чѣмъ кругло, большія выкатившіяся очи смотрять прямо, бровь густая, волосы курчавые съ двумя отдѣлвшимися на лбу кудрями. Типъ лица рѣзкій, золотой изгибъ ниже горла средней величины.

Въ верхнемъ лѣвомъ углѣ оклада изображенъ св. мученикъ съ вѣнцомъ того же цвѣта: лицо его продолговато, но не столько какъ предыдущаго, носъ длинный прямой, глаза обращены на право, волосы на головѣ кудрявые, на лобъ спущены три кудри. Одежда представляетъ въ цвѣтахъ противоположность рассмотрѣнной нами сейчасъ, т. е., состоитъ изъ красной исподи, темно-синей приволоки, и такой же зеленой средней ризы, только съ тремя запонами. Нарукавья подъ цвѣтъ этой одежды, съ красною каймою. Ниже горла вовсе не видно обозначенія возраста брадатаго.

Въ верхнемъ, правомъ углѣ оклада изображенъ святой мученикъ съ вѣнцомъ вокругъ главы особаго, зеленаго цвѣта. Лицо его скруглено болѣе всѣхъ прочихъ, глаза обращены вправо, волосы съ проборою среди главы и спущены прядями за уши, откуда, какъ у Спасителя, выходятъ космами. Типъ лица женственный. Одежда состоитъ изъ красной приволоки, темно-синей исподи, свѣтло-голубой средней, но безъ украшеній запонами, нарукавья зеленое съ красною каймою. Подъ горломъ нѣтъ изгиба.

Остановимся на трехъ послѣднихъ дощечкахъ, для опредѣленія изображенныхъ на нихъ финифтей. Какихъ именно святыхъ хотѣлъ изобразить здѣсь художникъ? Отсутствіе подписей на всѣхъ шести дощечкахъ этого разряда, было, конечно, причиною того, что упоминавшіе о нихъ ученые назвали эти изображенія общимъ именемъ различныхъ святыхъ, съ Спасителемъ. Господа археологи не взяли на себя труда даже опредѣлить классъ или общей типъ, къ которому принадлежать по атрибутамъ эти различные святые. Общій иконный типъ святыхъ мучениковъ, кажется, довольно рѣзко

отличается отъ другихъ типовъ святыхъ. Узнать между этими изображеніями Спасителя не составляетъ большого труда. Главнѣйшее мѣсто, всегда ему принадлежащее между подобнаго рода украшеніями на окладѣ въ середникѣ, помѣщеніе изображенія среди ангеловъ и евангелистовъ, наконецъ эти постоянныя, всѣмъ извѣстныя принадлежности Спасова образа: вѣнецъ, обозначенный тремя раздѣленіями на чины, условное расположеніе и цвѣтъ одежды, положеніе рукъ — все это дѣлаетъ весьма легкимъ опредѣленіе изображенія, хотя бы не было никакихъ надписей, хотя бы типъ лица еще былъ бы неопредѣленъ, нежели какимъ представляется на этой финифти. Не такъ-то легко доискаться названій святыхъ, изображенныхъ на остальныхъ дощечкахъ. Кромѣ указанія общаго разряда, къ которому они принадлежатъ по атрибутамъ, здѣсь необходимо опредѣленіе отдѣльныхъ типовъ этого разряда. Если по одеждѣ, по кресту въ рукѣ, у груди, мы узнаемъ, что здѣсь изображены мученики, то намъ необходимо еще рѣшить по типу лица, какіе именно мученики. Въ памятникахъ иконописи въ тѣсномъ смыслѣ, т. е., въ образахъ подобнаго рода, опредѣленіе дается безъ особыхъ усилій. Тутъ много помогаетъ обиліе сохранившихся иконъ съ надписями, удобство сличенія иконъ не подписанныхъ съ подписанными, далѣе письменные источники, каковы наши подлинники или образные мѣсяцословы, устные, каковы свѣдѣнія пишущихъ по древнему иконониковъ и простыхъ знатоковъ древнихъ иконъ. Но для опредѣленія памятниковъ финифтянаго производства всякій изъ этихъ методовъ прилагается весьма трудно. Здѣсь мало помогаетъ сравнительное изученіе памятниковъ того же производства, еще менѣе подлинники, и оказываются совершенно несостоятельными иконописцы и знатоки древнихъ иконъ. Древнѣйшихъ финифтей до XIII столѣтія сохранилось весьма немного, и изъ нихъ-то большая часть недоступна для изученія, не издана, не описана, не приведена даже въ извѣстность и вовсе не упомянута въ переписи сохранившихся финифтей П. Забѣлина, о чемъ подробнѣе скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Кромѣ того, едва ли не на половину всего сохранившагося количества финифтей слѣдуетъ положить финифти съ изображеніемъ святыхъ безъ надписей, съ плохо сохранившимися подписями и съ загадочными изображеніями. Притомъ, едва ли въ какомъ другомъ производствѣ иконографіи было болѣе несостоятельности въ соблюденіи типовъ, неточности въ ихъ исполненіи, какъ въ финифтя-

номъ, гдѣ самая масса сплава нерѣдко налагала печать случайности, независимо отъ желанія художника. Прибавимъ въ заключеніе всего этого еще неполную опредѣленность неоконченной разработки типовъ древнѣйшаго періода, уклоненіе отъ типовъ художниками и, въ слѣдствіе того, встрѣчающуюся иногда разницу древнѣйшихъ типовъ съ типами позднѣйшихъ изображеній того же святаго, и мы получимъ характеристику представляющихся намъ, для опредѣленія изображеній святыхъ, неудобствъ и затрудненій, которыя становятся почти непреодолимыми, если мы вспомнимъ, что у насъ нѣтъ подлинниковъ редакціи ранѣе XVI вѣка, да по всѣмъ признакамъ они до того времени и не существовали; а потому, сличая текстъ подлинниковъ съ древнѣйшими памятниками иконографіи, мы должны нерѣдко находить значительныя отступленія, несогласія, разницу.

Не смотря на все это, попробуемъ разгадать эти загаданныя древними художниками загадки и, по силѣ возможности, узнать, что именно хотѣли изобразить они на трехъ послѣднихъ дощечкахъ безъ надписей? Что здѣсь изображены все святые мученики, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія: крестъ въ рукахъ, который каждый изъ нихъ держитъ у груди, есть существенная принадлежность общаго типа святыхъ мучениковъ древнѣйшей иконографіи; кромѣ того, они облачены, по выраженію подлинниковъ въ приволоки—это принадлежность воиновъ, и обыкновенно знатнаго сана.

Уже эти основанія даютъ намъ возможность отнести изображенныхъ на финифти святыхъ къ опредѣленному иконному типу св. великомучениковъ.

Особое уваженіе къ памяти этого класса святыхъ перешло изъ Греціи въ Россію вмѣстѣ съ Христіанскою вѣрою и нашло глубокое сочувствіе между воинственными предками нашими. Первые храмы въ Россіи были сооружены въ честь великомучениковъ, первые князья преимущественно получали имена великомучениковъ, древнѣйшіе памятники иконописи сохранили намъ этихъ великомучениковъ. Именами ихъ начинается длинный рядъ мучениковъ въ подлинникѣ Греческой редакціи. Имена эти: Георгій, Димитрій, Теодоръ. Къ нимъ весьма рано примкнули въ Россіи имена князей мучениковъ Бориса и Глѣба. Всѣ они, какъ извѣстно, составляютъ господствующіе, любимые предметы древней Русской иконографіи и, по видимому, всѣ находятся на финифтяхъ описываемаго нами оклада.

Не смотря на всю несостоятельность, неопредѣленность выражений типовъ этихъ финифтей, въ нихъ сохранились нѣкоторыя черты, сильно говорящія въ пользу нашего предположенія. Кудрявая голова, съ двумя отдѣлившимися на лобъ кудрями, брадатый возрастъ, котораго указаніе находимъ въ изгибѣ ниже горла, продолговатое лицо, наконецъ самый цвѣтъ одежды — зеленая исподь и красная приволока, все это довольно ясно указываетъ на то, что на дощечкѣ подь середникомъ изображенъ финифтью св. великомученикъ **Еоодоръ Стратилать**. Иконный типъ этого святаго во многомъ сходенъ съ типомъ святаго **Георгія**, отличается же отъ послѣдняго преимущественно тѣмъ, что у **Георгія** волосы еще кудрявѣе, лицо круглѣе, что онъ изображается юнымъ, безбрадатымъ — и все это мы находимъ на финифтѣ въ верхнемъ лѣвомъ углѣ оклада, и потому мы въ правѣ думать, что здѣсь изображенъ не кто другой, кромѣ святаго великомученика **Георгія**.

Наконецъ св. **Димитрій** великомученикъ, хотя юный, безбрадый, круглолицій, но не кудрявый, съ волосами, зачесанными за уши, въ красной приволокѣ и зеленой исподи. Таковы типическія черты святаго, и такимъ представленъ онъ въ лицѣ мученика въ верхнемъ правомъ углѣ оклада. Подлинники не только не противорѣчатъ найденному нами сходству трехъ финифтей съ изображеніями трехъ великомучениковъ, но еще болѣе утверждаютъ его. Они представляютъ весьма незначительную разницу только въ такихъ подробностяхъ, которыхъ соблюденія мы вовсе и не въправѣ ожидать отъ изображеній, и которыя зависятъ или отъ объема изображеній, или прямо отъ техническихъ недостатковъ финифтей. Такъ извѣстно, что разсматриваемыя нами изображенія поясныя, а подлинники представляютъ святыхъ въ ростѣ, стоячихъ, не забывая упоминать обуви, нижняго платья; по ограниченности мѣста, по сокращенію фигуръ, тутъ не могли явиться ни доспѣхи, ни копья, ни щиты. Кромѣ того, изображенія эти исполнены нѣсколькими столѣтіями ранѣе всѣхъ извѣстныхъ редакцій подлинниковъ; въ послѣднихъ весьма рѣдко придается великомученику одинъ только крестъ, безъ другихъ принадлежностей, каковы оружіе и проч., тогда какъ на древнѣйшихъ памятникахъ, и особливо такого малаго размѣра, какъ наши финифти, они зачастую являются только съ однимъ крестомъ въ рукѣ, въ одеждѣ воина, т. е., въ приволокѣ. Наконецъ, мы считаемъ себя въ правѣ удовлетвориться замѣченными

чертами сходства уже по тому, что всѣ шесть финифтей по работѣ своей весьма посредственнаго достоинства. Точнѣйшаго соблюденія типовъ, ближайшаго сходства съ лучшими образцами въ нихъ искать невозможно. Кромѣ неправильностей въ очертаніи фигуръ, неудачъ въ сплавѣ финифтяной массы, мы находимъ въ самыхъ краскахъ финифтей и въ примѣненіи ихъ къ предметамъ, которые ими обозначены, весьма большіе недостатки. Они отличаются между подобными образцами своею непрозрачностью. Отсутствие тѣней, повтореніе тѣхъ же самыхъ цвѣтовъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ необходимы были разные, служатъ видимымъ доказательствомъ, что художникъ терпѣлъ нужду въ краскахъ и замѣнялъ недостававшіи изъ нихъ тѣми, которыя были у него подъ рукою, на что всего болѣе намекаетъ одинаковый цвѣтъ волосъ, отсутствіе бороды у тѣхъ святыхъ, которые должны быть съ бородою, и замѣненіе ея особымъ знакомъ. Видно, что художникъ боролся съ необходимостью помѣстить одного и того же цвѣта бороду для всѣхъ, и тѣмъ окончательно повредить разнохарактерности типовъ.

Въ связи съ тѣми же техническими недостатками, по видимому, является различіе цвѣтовъ красокъ на рукавахъ одежды этихъ святыхъ изображеній; у однихъ они цвѣта средней одежды, у другихъ нижней, у нѣкоторыхъ даже совершенно особаго цвѣта, какъ на отдѣльных и разныхъ поручняхъ или парубавьяхъ.

При подобнаго рода обстановкѣ едва ли можно требовать болѣе положительныхъ результатовъ, полнѣйшихъ указаній на изображенныхъ тутъ святыхъ.

Для окончательнаго удостовѣренія въ типическомъ сходствѣ трехъ разсмотрѣнныхъ нами финифтей, именно съ лицами указанныхъ святыхъ, мы выпишемъ изъ подлинниковъ черты каждаго святаго отдѣльно, описанныя, какъ извѣстно, по днямъ празднованія ихъ памяти. Въ основу текста положимъ полнѣйшую изъ извѣстныхъ намъ редакцій нашего подлинника XVII вѣка, и присоединимъ къ нему варианты или измѣненія другихъ изданій нашей же библіотеки.

Февраля 8. «Святаго мученика Θεодора Стратилата. Русь, власы аки Георгій, брада Никиты мученика, въ доспѣсѣ, риза киноварь съ бѣлиломъ, приволока бѣла, въ правой рукѣ щить, на гавки багоръ темень, пробѣлъ киноварь, въ руцѣ крестъ.»

Іюня 8. «Святаго великомученика Θεодора Стратилата. Власы кудрявъ, брада разохата, невеличка, надъсѣдъ, въ бранѣхъ, при-

волока киноварь, въ правой рукѣ копьѣ, а въ лѣвой щитъ, исподъ празелець, пагавицы багорь.» и т. е. и въ лѣвой рукѣ копьѣ и въ правой щитъ. Въ общихъ чертахъ описанія типа этого святаго прочія, имѣющіяся у насъ, редакціи подлинниковъ довольно сходны. Замѣчательнѣйшимъ варіантомъ представляется здѣсь сближеніе рисунка бороды святаго не съ Никитиной, а съ бородой апостола Павла, Климентовой евангелиста Луки съ Предтечевой, что въ сущности не составляетъ большой разницы. Для насъ важнѣе то, что въ трехъ подробнѣйшихъ редакціяхъ полагается замѣчательное различіе въ образѣ празднованія святаго въ Февралѣ и Іюнь. Въ первомъ онъ является въ доспѣхѣхъ, т. е., воинской одеждѣ или ризѣ, краснаго цвѣта съ паволокою бѣлаго и только со щитомъ въ правой или лѣвой рукѣ, во второмъ, въ зеленой исподи, красной паволокѣ съ копьемъ въ правой рукѣ и щитомъ въ лѣвой. Это, безъ сомнѣнія, имѣло первоначальнымъ основаніемъ своимъ различіе въ значеніи дней празднованія, о чемъ будемъ имѣть случай говорить въ другомъ мѣстѣ. Въ трехъ другихъ редакціяхъ подлинника подь 8 Іюня мы встрѣтили то же самое, что и подь 8 Февраля; даже въ одномъ находится прямо ссылка одного описанія на другое, безъ приведенія самаго текста. Въ подлинникѣ кратчайшей и, по видимому, древнѣйшей редакціи въ правую руку святаму, подь обоими числами, влагается крестъ, въ лѣвую щитъ и копьѣ. Все же вообще подлинники изображаютъ святаго въ Февральскомъ явленіи русымъ, съ бурявою головою, курчавою, косматою бородою, а въ Іюньскомъ съ просѣдью; только въ подлинникѣ Греческой редакціи онъ названъ молодымъ, тогда какъ во всѣхъ нашихъ именуется надъсѣдымъ, т. е., съ просѣдью.

Но довольно о св. Θεодорѣ, обратимся къ св. Георгію. Память послѣдняго, какъ извѣстно, читается церковью также два раза въ годъ, 23 Апрѣля и 26 Поября. 23 Апрѣля. «Святаго и славнаго великомученика и побѣдоносца Георгія. Кудрявъ, младъ, въ бронѣхъ; приволока киноварь, доспѣхъ златъ клѣтчаты, исподъ лазорь; у сердца зеркало кругло свѣтится, въ правой рукѣ копьѣ, а въ лѣвой мечъ въ ножнахъ, шоломъ за правымъ плечомъ, а на немъ крестъ, щитъ видѣти отъ лѣвыя бедра, отъ правыя съ тумчакомъ, и сайдакъ со стрѣлами видимъ мало, пагавицы багорь, стоги на вохрѣ златыя по бедрамъ; въ рукѣ свитокъ: Благословень еси, Господи Боже, да не поставиши

во грѣхъ, ниже въ невѣдѣніе воля согрѣшившимъ, но подаждь имъ Твое познаніе и Твою любовь, да и ти получаютъ Твою часть во Твоемъ царствіи, помяни Владыко призывающихъ Твое имя святое. Нѣщїи же пишутъ тако: Помяни Владыко призывающихъ (Твое имя) великолѣпное имя Твое, яко благословенъ еси во вѣки аминь.»

26 Ноября. «Освященіе церкви святаго великомученика иже въ Кіевѣ, у златыхъ вратъ. Георгій въ брагѣхъ, риза киноварь, доспѣхъ пернать, вохра съ бѣлиломъ, исподъ лазорь, нагавицы багоръ, сидитъ на конѣ, конь бѣлъ, а копіемъ покололъ змію, а за нимъ гора, предъ нимъ градъ, предъ нимъ ведеть дѣвица змію во градъ, а дѣвицѣ имя Марія, а другая дѣвица ворота затворяеть; на башнѣ царь, образомъ средній, имя царю Сельвій, а царица и народъ за нимъ съ кони и съ сѣкирами, граду имя Рахлей.»

Такимъ образомъ двукратному празднованію памяти великомученика, по видимому, соотвѣтствуютъ два различныхъ изображенія его, пѣшее и конное. Въ первомъ онъ представлялся съ типомъ великомученика, во второмъ побѣдоносца. Если празднованію освященія первой церкви въ Россіи во имя великомученика Георгія не случайно соотвѣтствуетъ типъ Георгія побѣдоносца, то, безъ сомнѣнія, при изготовленіи иконы этого празднованія, 26 Ноября, имѣлась въ виду идея торжества христіанства надъ язычествомъ въ Россіи. Примѣненіе этой идеи какъ нельзя лучше идетъ и къ тому изображенію св. Георгія, какъ побѣдителя чудовища, и къ тому времени, когда сооруженъ былъ первый храмъ въ честь великомученика тезоименитымъ ему Княземъ, Ярославомъ. Мы нашли только въ двухъ подлинникахъ сходной редакціи такого рода различіе въ типахъ святаго Георгія; въ прочихъ и подъ 23 Апрѣля и 26 Ноября онъ изображается пѣшимъ, стоячимъ, какъ сказано въ одномъ подлинникѣ.

26 Ноября. «Георгій стоитъ во бронѣхъ, риза киноварь, доспѣхъ пернать, вохра съ бѣлилы, погавки багоръ, исподъ лазорь, въ правой копье, въ лѣвой мечъ въ ножнахъ.»

Замѣчательно отсутствіе наволоки во всѣхъ подлинникахъ въ описаніи 26 Ноября, и присутствіе креста, который даютъ въ правую руку святому, вмѣсто копья, въ обоихъ числахъ, подлинники кратчайшей и древнѣйшей редакціи.

Благодаря тому уваженію, которое съ первыхъ вѣковъ христіанства въ Россіи распространилось къ Св. Георгію, состояло въ связи

съ тезоименитствомъ многихъ великихъ князей и способствовало сооруженію многихъ храмовъ въ честь святаго великомученика, типъ его выработался въ иконописи до того опредѣленно, что онъ послужилъ прототипомъ для многихъ другихъ изображеній святыхъ, — младыхъ, кудрявыхъ, аки Георгій.

Обратимся къ третьему изображенію святаго мученика въ правомъ верхнемъ углѣ оклада, котораго мы назвали св. Димитріемъ. Празднованіе памяти великомученика Димитрія Селунскаго совершается церковью 26 Октября, и подъ этимъ числомъ мы находимъ въ нашемъ подробномъ подлинникѣ описаніе его слѣдующее:

«Святаго и славнаго великомученика Димитрія Селунскаго, иже прободенъ въ ребра копіемъ. Младъ, вооруженъ, доспѣхъ санкирь съ бѣлиломъ, пернать, верхъ празелень, препоясанъ ширинкою, въ рукѣ копье, да свитокъ, а въ лѣвой мечъ въ ножнахъ, колѣни голы, въ свиткѣ писано: Господи, не погуби града и людей моихъ; аще градъ спасеши, съ ними и азъ спасенъ буду; аще погубиши, съ ними и азъ погибну».

Варианты изображенія этого святаго довольно сходны. Какъ на замѣчательное явленіе между ними, укажемъ на то, что въ одномъ подлинникѣ святому назначается положеніе стоячее, т. е., пѣшее, въ противоположность конному изображенію того же святаго, котораго въ подлинникахъ мы не отыскали, по которое, какъ извѣстно, существуетъ на иконахъ; при томъ, вмѣсто меча, въ лѣвой рукѣ щитъ, а кромѣ зеленой верхней ризы, красная исподъ.

«Святаго великомученика Димитрія Селунскаго. Младъ, стоитъ, вооруженъ, доспѣхъ санкирь съ бѣлилы, пернать, верхъ риза празелень, препоясанъ ширинкою съ лѣваго плеча подъ правую руку, исподъ киповарь, въ руцѣ копіе, а въ лѣвой щитъ, колѣни голы.»

Наконецъ, въ краткомъ алфавитномъ подлинникѣ святой изображенъ съ крестомъ въ правой рукѣ и со щитомъ, и копьемъ въ лѣвой, нагавки багряны.

Мы уже говорили о степеніи того сходства типовъ трехъ святыхъ великомучениковъ, которые мы въ правѣ ждаты отъ разсмотрѣнныхъ нами финифтей, считаемъ лишнимъ входить здѣсь въ подробности очевиднаго, но весьма незначительнаго для насъ, несходства, и потому обратимся на разсмотрѣніе двухъ остальныхъ финифтей того же порядка, съ изображеніемъ князей мучениковъ. Намъ извѣстно, что они расположены соответственно одинъ дру-

тому, по двумъ угламъ, на одной и той же нижней линіи оклада. Вынецъ вокругъ главы обоихъ Князей синяго цвѣта, шапки невысокія, имѣють видъ усѣченного конуса съ выемками по бокамъ и сверху, кромѣ того, посреди проходитъ продольная полоска, разделяющая ихъ на двѣ равныя части, по околу черная мѣховая опушь, самыя шапки изъ желтой матеріи, вѣроятно алтабаса, полоски посреди ихъ красныя. Мы коснулись по тому подробностей этихъ шапокъ, что они составляютъ, по формѣ своей, весьма рѣдкое явленіе на отечественныхъ памятникахъ.¹ Не смотря на замѣченные уже нами недостатки разсматриваемыхъ финифтей въ соблюденіи подробностей очертаній лица, вглядываясь въ эти два изображенія, мы находимъ, что лицо одного святаго, изображеннаго въ лѣвомъ углѣ, старообразіе праваго. Лицо перваго продолговатое, волосы его спущены и вьются отдѣльными кудрями около шеи, подъ горломъ извѣстный изгибъ малаго размѣра, глаза обращены вправо, въ рукѣ святаго крестъ бѣлаго цвѣта. Одежда его состоитъ изъ голубой исподи, свѣтлозеленыхъ поручней съ красной каймою и богатый красной паволоки, роскошно украшенной сердцеобразными запонами зеленого цвѣта. Лицо послѣдняго круглѣе, молодежавѣе, но неудачный славъ финифти покривилъ на сторону уста этому изображенію, длинныя кудрявыя волосы, прилегая къ головѣ и зачесанные за уши, отдѣляются книзу на каждой сторонѣ по одной кудри; изгиба подъ горломъ не находимъ; глаза обращены въ лѣво, также самая одежда на этомъ святомъ составляетъ прямую противоположность въ цвѣтахъ своихъ: на немъ исподъ краснаго цвѣта, а паволока голубая, нарукавья свѣтло-голубыя съ красной каймою, запоны на паволокѣ бѣлыя, крестъ въ рукѣ святаго красный.

Предположеніе наше, что здѣсь изображены два брата мученика, Борисъ и Глѣбъ, имѣетъ въ свою пользу много основаній. Черты этихъ Князей мучениковъ проглядываютъ въ нашихъ финифтяхъ,

¹ Изъ извѣстныхъ намъ, изданныхъ памятниковъ ближе всѣхъ подходятъ по формѣ этихъ шапокъ два вынца на одной миниатюрѣ въ житіи Бориса и Глѣба. Вынца эти подаетъ Христосъ съ небеси, или поясной облачный Спасъ двумъ стоящимъ по обѣ стороны мученикамъ, Борису и Глѣбу. Они нѣсколько ниже и разложистѣе шапокъ на мученикахъ Мстиславова оклада, кромѣ того средина ихъ вверху оканчивается угломъ, а не прямою линіей. Для соображенія представимъ тѣ и другія: . На всѣхъ рисункахъ этого житія оба святые являються въ обыкновенныхъ княжескихъ шапкахъ бархатнымъ кошакомъ съ опушею мѣховою, также какъ и на древнихъ иконахъ.

не смотря на всю неудачность, неточность ихъ исполненій; указанія подлинниковъ, дорисовывая то, что въ финифть выразилось только неопредѣленными намеками окончательно сближаютъ типы Бориса и Глѣба съ изображеніями финифти. Типическія черты двухъ братьевъ князей и мучениковъ, которыхъ память празднуется церковью два раза въ годъ, описаны подлинниками подъ 24 числомъ Іюля и 2 Мая.

24 Іюля: «Святыхъ стратотерпцевъ князей Русскихъ обою брату по плоти Бориса и Глѣба, нареченныхъ во святомъ крещеніи Романа и Давыда. Борисъ средній, брада Козмина, шапка на главѣ заломъ чернъ, шуба багоръ камка, исподъ празелень камка, распахъ чернъ, въ рукѣ крестъ, а въ другой мечъ въ ножнахъ. Глѣбъ младъ, власовъ мало, за уши повилися, шапка на главѣ заломъ, шуба киноваръ камка, исподъ лазоръ камка, въ рукѣ крестъ, а въ лѣвой мечъ въ ножнахъ.»

2 Мая: «Перенесеніе мощей святыхъ мученикъ князей Русскихъ обою брату по плоти Бориса и Глѣба, нареченныхъ во святомъ крещеніи Романа и Давыда. Борисъ средній, брада Козмина, шапка на главѣ заломъ чернъ, шуба на немъ бархатъ багоръ въ кружѣхъ, исподъ лазоръ. въ рукѣ крестъ, въ лѣвой мечъ въ ножнахъ спустиль. Глѣбъ младъ, власы по плечамъ, косы тоненьки, шапка на главѣ заломъ чернъ, шуба камка празелень, исподъ багоръ и бблиломъ, въ рукѣ крестъ, а въ другой мечъ въ ножнахъ спущены.»

Къ этому описанію подробнаго подлинника мы можемъ присоединить нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія изъ другихъ редакцій, вообще не представляющихъ значительной разницы. Въ двухъ изъ послѣднихъ, вмѣсто бархатныхъ шубъ на князьяхъ въ майскомъ празднованіи, поставлены камчатныя; тамъ же, кромѣ того, волосамъ Бориса придается коса; въ іюльскомъ же нижнимъ ризамъ обоихъ — пуговицы до подола; въ двухъ другихъ редакціяхъ Борисъ изображается русымъ, съ небольшою бородою — брада невелика, оба въ княжескихъ ризахъ.

Мая 2: «У Бориса справую руку коса на плечи, шуба баканъ, камочкою чипена, исподъ лазоръ камочка жъ, на другомъ — шуба киноваръ, исподъ празелень, камочка же.»

Іюля 24: «Борису риза камка лазоръ, Глѣбу киноваръ камка, исподъ камка празелень, пуговики до подола, отъ полы роспахъ (о подолѣ разхватъ).»

Черты лица Бориса сохранились, какъ извѣстно, во многихъ лѣтописяхъ: «Тѣломъ бяше красенъ и высокъ, лицемъ круглъ, плеча высокъ, въ чреслѣхъ тонкъ, очима добръ и веселъ; брада мала и усъ, младъ бо бѣ еще; свѣтятся царскы, крѣпокъ тѣломъ, всячески украшенъ, аки цвѣтъ во юности своей; на ратѣхъ храборъ, въ совѣтѣхъ мудръ, и благодать Божія цвѣтяше на немъ.» Легко можетъ быть, что это и подобныя сему описанія, основанныя на древнѣйшихъ устныхъ и письменныхъ свѣдѣніяхъ, имѣли въ свое время извѣстное отношеніе къ древнѣйшимъ портретнымъ иконамъ святыхъ мучениковъ.

Уже прежде замѣчено было, что шесть финифтей этого разряда, по работѣ своей стоятъ далеко ниже финифтей всѣхъ прочихъ разрядовъ; отчасти было указано и на нѣкоторыя выдающіяся отступленія въ краскахъ и рисункѣ; здѣсь мы считаемъ не лишнимъ объяснить нѣсколько подробнѣе объ этихъ относительныхъ недостаткахъ. Первое, что бросается въ глаза при сравненіи шести финифтей съ прочими того же оклада, это отсутствіе въ составѣ ихъ красокъ той прозрачности, которая характеризуетъ лучшія произведенія Византійской эмали и замѣчается на всѣхъ прочихъ памятникахъ этого оклада. Краски шести финифтей не только не блестящи, но совершенно тусклы, грубы, почти вовсе безъ тѣней. Нѣкоторыя недостававшія цвѣта замѣнены весьма неудовлетворительно другими, кое-гдѣ даже прямо золотымъ очеркомъ. Вообще, при тщательномъ наблюденіи этихъ финифтей, виденъ недостатокъ не только въ качествѣ, но и въ количествѣ красокъ. Финифтяная масса, будучи неудачно расплавлена при обжиганіи, сохранила до сихъ поръ мѣстами слѣды углубленій отъ пузырей, и тѣмъ еще болѣе способствовала къ искаженію рисунка. Мы упоминали о другихъ недостаткахъ, происшедшихъ при обжиганіи и обезобразившихъ губы и пальцы нѣкоторыхъ изображеній. Рисунокъ самъ по себѣ не отличается правильностью, напротивъ, угловатъ, сухъ и невѣренъ; послѣднее особенно замѣтно въ очертаніи отдѣльныхъ частей и грубомъ соединеніи ихъ съ цѣлымъ, на прим., уши неестественно приставлены за щеки. Въ положеніи фигуръ ощущается недостатокъ движенія, а въ выраженіи типовъ опредѣленности. Видно, что эти финифти исполнены рукою не лучшаго мастера и скорѣе принадлежатъ ко времени упадка, чѣмъ процвѣтанія древней Византійской эмали. Начало XII-го столѣтія, по видимому, должно служить

самымъ дальнимъ ерокомъ ихъ существованія также какъ мѣстомъ происхожденія едва ли не Россія.

Разсматривая сохранившіеся на этихъ шести дощечкахъ признаки, мы, по видимому, разгадали ихъ первоначальное назначеніе, сказавъ, что до появленія на окладѣ евангелія финифти эти были нашиты на матерію и служили бармами; но теперь рождается новый вопросъ: кому принадлежали эти бармы? Мы бы не слишкомъ затруднились рѣшеніемъ его, если бы, съ одной стороны, имѣли болѣе положительныя свѣдѣнія о Христіанскихъ именахъ нашихъ князей XI и XII столѣтія, съ другой, если бы финифти наши носили болѣе опредѣленныя черты, то есть, если бы они были съ надписями, по которымъ все таки безошибочнѣе можно бы было назначить имъ эпоху сооруженія и утвердительнѣе сказать о томъ, какихъ именно святыхъ изображаютъ они. наконецъ, если бы ко всему этому мы нашли въ лѣтописяхъ какія нибудь данныя для исторіи самыхъ финифтей. Но мы видѣли, какъ трудно окончательно опредѣлить имена святыхъ, изображенныхъ на пяти изъ этихъ финифтей. Употребляя, какъ крайнее средство, для разъясненія изображеній на финифтяхъ XII столѣтія, иконописи XVII-го, и, довольствуясь, по необходимости, въ этомъ случаѣ какимъ нибудь однимъ типическимъ намекомъ, мы, разумѣется, могли легко впасть въ ошибку и назвать изображеніе такимъ именемъ, которое ему вовсе не принадлежало: въ такомъ случаѣ всѣ послѣдующіе выводы оказались бы невѣрными. Не только въ произведеніяхъ финифти, но и въ памятникахъ иконописи въ тѣсномъ смыслѣ, даже въ самыхъ подлинникахъ, черты нѣкоторыхъ святыхъ представляютъ такое между собою неопредѣленное сходство, что надо имѣть слишкомъ опытный глазъ, чтобы отличить окончательно вѣрно изображенія безъ подписей. Мы должны были оговориться такимъ образомъ, чтобы имѣть болѣе права отстранить отъ себя до времени окончательное рѣшеніе вопроса о найденныхъ нами на окладѣ бармахъ.

Между тѣмъ, мы не лишнимъ считаемъ обратить вниманіе читателей на тождество именъ, указанныхъ нами на этихъ финифтяхъ съ именами святыхъ, чтившихся преимущественно въ семьѣ великаго князя Мстислава Владиміровича, для котораго было написано самое евангеліе. Извѣстны по лѣтописямъ особая любовь и уваженіе отца Мстислава къ святымъ мученикамъ Борису и Глѣбу, мощамъ которыхъ онъ, еще будучи княземъ Переяславскимъ,

строить великолѣпную раку, приводившую въ изумленіе иностранцевъ; сдѣлавшись же Великимъ Княземъ, онъ торжественно перенесъ мощи ихъ въ новую каменную церковь; наконецъ, построилъ на рѣкѣ Алтѣ въ честь ихъ церковь, которую лѣтописецъ называетъ прекрасною. Самъ Мстиславъ соорудилъ въ Кіевѣ церковь св. Теодора, въ которой и былъ погребенъ; далѣе, сынъ его, Всеволодъ, въ Псковѣ, по видимому, церковь св. Димитрія, въ которой также, по указанію Степенной Книги, былъ погребенъ; наконецъ, оба они принимали живое участіе въ сооруженіи и украшеніи Новгородской церкви св. Георгія и устроеніи монастыря, извѣстнаго подъ именемъ Юрьева. Прежніе изслѣдователи, Татищевъ, Щербатовъ, Карамзинъ и друг., желая разгадать данныя Великимъ Князьямъ имена при крещеніи, основывались обыкновенно на именахъ святыхъ, въ честь которыхъ сооружались тѣми князьями церкви, но въ наше время какъ-то странно братья исключительно за подобнаго рода основанія. Современная критика считаетъ окончательно вѣрными только тѣ выводы, которые подтверждаются прямыми, достовѣрными указаніями лѣтописей, грамотъ, надписей и проч. Припомнимъ, что князья нерѣдко строили церкви и во имя святыхъ, соименныхъ ихъ дѣтямъ, отцамъ, далѣе во имя святыхъ, во дни которыхъ случались какія нибудь замѣчательныя въ ихъ жизни событія, побѣды надъ врагами и проч., наконецъ прямо во имя святыхъ, которыхъ они по какимъ бы то ни было причинамъ чествовали. Въ лѣтописяхъ весьма рѣдко встрѣчаются при княжінихъ именахъ и христіанскія, а иногда встрѣчается такое имя, которое или вовсе не подходитъ къ общепринятому названію извѣстнаго лица, или заставляетъ предполагать, что князь носилъ два имени, кромѣ мірекаго, или княжескаго. Такимъ образомъ, не безъ основанія же лѣтопись Новгородская¹ называетъ того же Мстислава Владиміра

¹ Полн. с. Р. л. III, 213 поль 6621 (1113) г. Здѣсь строитель Новгородской Николо-Дворицкой церкви, Мстиславъ, дѣлается, какъ нареченный во св. крещеніи Георгіемъ; по тому же поводу, и, какъ видно, изъ того же источника, онъ же, въ другомъ мѣстѣ упоминается, Князь Георгій именованны Мстиславъ. Рукоп. пов. Чудо о св. Николы о Князь Мстиславъ; см. Истор. Русск. Церкви, Макарія, т. II, пр. 172. Но чтобы дѣлать употребленіе изъ подобнаго рода основаній, слѣдуетъ провѣрить самый ихъ источникъ, а не довольствоваться однимъ, какъ видно по языку, позднѣйшими изобрѣтеніями. Странно, что на подобныхъ свѣдѣніяхъ исключительно основываются повѣршія изслѣ-

вича Георгіемъ, хотя у него былъ братъ, носившій постоянно то же имя, что въ свою очередь, конечно, должно было знать лѣтописцу; между тѣмъ мы привыкли считать Мстислава Феодоромъ, согласно современнымъ ему указаніямъ ² и мнѣнію Карамзина; наконецъ, Татищевъ приписываетъ ему имя Петра, также какъ отцу его, Владиміру, вмѣсто Василія, Феодора. Не безъ основанія же Степенная книга относитъ погребеніе Всеволода-Гавріила въ церкви Св. Димитрія и сближаетъ характеръ обоихъ, тогда какъ другія лѣтописи говорятъ, что онъ погребенъ въ церкви Св. Троицы, имъ же самимъ построенной; но въ лѣтописяхъ мы не находимъ положительныхъ свѣдѣній о построеніи ни той, ни другой церкви: объ они впервые упоминаются въ одно время и по одному случаю—погребенія Всеволода, при чемъ о Троицкой сказано, что же бѣ самъ создалъ (Всеволодъ), о Димитріевской, что въ ней онъ положенъ, а оттуда торжественно перенесенъ въ Троицкую. Исследователи же Псковскихъ древностей вообще относятъ сооруженіе Св. Троицы ко временамъ, древнѣйшимъ Всеволода. Все это требуемъ еще тщательнѣйшихъ повѣрокъ, исследований первоначальныхъ источниковъ, вообще специальныхъ, приуготовительныхъ трудовъ, которыхъ результатъ, быть можетъ, увеличался бы усилкомъ и раскрылъ намъ неизвѣстныя имена, данныя нашимъ князьямъ при крещеніи. Въ такихъ необходимыхъ еще трудахъ нуждается современная археологія. Стѣняясь, такимъ образомъ, въ одно и то же время и недостаткомъ надписей на нашихъ финифтяхъ, которыя бы точнѣе опредѣлили имена изображенныхъ на нихъ святыхъ, и недостаткомъ положительныхъ свѣдѣній объ именахъ князей, которыя могли бы навести насъ на личности, для которыхъ были приготовлены изображения, каково, на пр., превосходное сочиненіе о Новгородскихъ церковныхъ древностяхъ, архим. Макарія. Въ немъ неоднократно повторяется та же фраза безъ всякаго ограниченія и разбора: «Мстиславъ, нареченный въ крещеніи Георгіемъ, основываетъ въ честь своего ангела церковь св. Георгія» (Т. I, 13), хотя изъ лѣтописи не видно этого, а основаніе ея приписывается сыну его, Всеволоду; далѣе онъ же, Мстиславъ, основываетъ другую, придѣльную, при Николе-Дворницкомъ соборѣ церковь въ честь того же своего ангела Георгія (I, 254). Но у Мстислава было или два ангела, Феодоръ и Георгій, или былъ одинъ, Феодоръ.

² См. Послѣсловіе Мстиславова Евангелія: «Князю Феодору, а мирскы Мстиславу».

раженія и самбы бармы, мы постараемся отыскать себѣ новыи путь къ рѣшенію нашего вопроса.

Обратимся снова къ лѣтописямъ, посмотримъ, не найдется ли въ этомъ неисчерпаемомъ рудникѣ указаній, если не на эти самыя финифти, то, по крайней мѣрѣ, на подобныя имъ по предмету. Не смотря на то, что еще весьма немного обнаружено свѣдѣній о финифтяномъ дѣлѣ въ Россіи, что вообще всѣ первоначальные матеріалы по этому предмету далеко еще не собраны, критически не проверены, а самыя памятники финифтянаго дѣла, древнѣйшіе и замѣчательнѣйшіе, до того отрѣшены отъ исторической почвы, что мы не знаемъ даже вовсе, кому они первоначально принадлежали; не смотря на все это, даже въ лѣтописяхъ мы находимъ немаловажныя указанія по вопросу о разсматриваемыхъ нами шести финифтяхъ. Говоря по случаю кончины Галицкаго князя, Владиміра Васильковича (1288), о заслугахъ его въ пользу украшенія церквей, и, исчисляя сдѣланныя имъ вклады, югозападная лѣтопись по Ипатіевскому списку упоминаетъ финифты съ изображениями Спасителя, Деисуса, наконецъ Бориса и Глѣба. Этими драгоценностями украсилъ князь Владиміръ Галицкій три евангелія, которыя, подобно Мстиславову, были апракосныя. «А до Чернѣгова послалъ въ епископью еуангеліе опракосъ, золотомъ писано, а оковано серебромъ съ жемчугомъ, и среди его Спаса съ финифтомъ... еуангеліе списа опракосъ, окова е все золотомъ и каменіемъ дорогымъ съ жемчугомъ, и деисусъ на немъ окованъ отъ злата, цыты великы съ финифтомъ чюдно видѣніемъ, а другое еуангеліе опракосъ же волочено оловиромъ и цыту возложи на не съ финифтомъ, а на неи святаа мученика Глѣбъ и Борисъ...» Два послѣднія евангелія вложилъ боголюбивый князь въ сооруженную имъ церковь Св. Георгія, въ Любомлѣ. Мы далеки отъ мысли принимать исчисляемыя лѣтописью финифти на евангеліяхъ тождественными съ разсматриваемыми на окладѣ Мстиславова евангелія; хотя, по странному стеченію обстоятельствъ, и имена прочихъ святыхъ на этомъ послѣднемъ памятникѣ совпадаютъ и одинаковы съ именами святыхъ, которымъ исключительно предъ другими усердствовала князь Владиміръ, названный въ крещеніи Іоанномъ, соорудившій церковь св. Георгія, Петра, украсившій св. Димитрія и проч.; хотя при постоянномъ передвиженіи памятниковъ въ древности съ одного мѣста на другое, легко могли и эти финифти побывать на Во-

лыни и возвратиться въ Новгородъ. Мы вовсе не признаемъ финифтей Мстиславова и Владиміровыхъ евангелій за одни и тѣ же, потому что слишкомъ много причинъ предполагать иначе; но мы находимъ весьма важнымъ сближеніе тѣхъ же финифтяныхъ изображеній въ различныхъ мѣстностяхъ, и съ перваго взгляда, въ различное время. Особую важность для финифтей Мстиславова евангелія имѣетъ сохранившееся въ лѣтописи указаніе на изображение Бориса и Глѣба, помѣщенное на окладѣ евангелія. Указаніе это можетъ служить подтвержденіемъ справедливости найденныхъ нами изображеній тѣхъ же святыхъ мучениковъ, на двухъ дощечкахъ оклада Мстиславова евангелія; кромѣ того, это сходство содержанія указываетъ на одну общую идею украшеній евангелій посредствомъ любимыхъ предметовъ извѣстнаго періода. Явившись на окладѣ одного евангелія, князя мученики, въ слѣдъ за тѣмъ, по подражанію, получили мѣсто и на другомъ. Такъ какъ изъ лѣтописи видно, что они были изображены финифтью на окладѣ въ XIII столѣтіи, въ то же время, когда подъ Византійскимъ вліяніемъ помѣщались мученики на эмальированныхъ евангеліяхъ Запада, то мы въ правѣ допустить, что шесть финифтей нашего оклада, хотя и исполнены для другаго назначенія и ранѣе того времени, но на окладѣ получили мѣста свои въ то же время, т. е., въ XIII столѣтіи, что, въ свою очередь, указываетъ на одну изъ редакцій обновленій оклада, о которой мы не имѣемъ письменныхъ свѣдѣній.

Разсмотрѣвъ шесть финифтей, которыя, по нашему мнѣнію, явились на окладѣ первыми, хотя, по всѣмъ признакамъ, исполнены гораздо позднѣе всѣхъ прочихъ финифтей того же оклада, кромѣ оклада середника, обратимся къ другому разряду финифтей, которыя, по видимому, относительно времени своего происхожденія, занимаютъ средину между только что разсмотрѣнными и двумя древнѣйшими чисто-Греческими финифтями въ подножій креста.

Пять золотыхъ квадратныхъ дощечекъ ($\frac{6}{8}$ □ вершка) съ финифтями размѣщены, какъ мы уже видѣли, вокругъ середника крестообразно. Въ верхнемъ концѣ креста, надъ самымъ середникомъ и какъ разъ подъ верхнею линіею оклада, находимъ квадратъ съ изображеніемъ Престола Господня. На престолѣ, или царскомъ мѣстѣ, лежитъ подушка, покрытая пеленой, на пеленѣ книга св. евангелія, надъ нимъ Духъ Святый въ видѣ голубя; предъ престоломъ стоитъ подножіе, за престоломъ орудія страстей Господнихъ.

Престоль состоитъ изъ четырехугольной рамки или связи на прямыхъ ножкахъ, облицовано то и другое пестрыхъ цвѣтовъ финифтью: такъ, по ножкамъ сверху внизъ идетъ ломаная линия бѣлаго цвѣта, а образуемые ею углы заняты голубымъ и краснымъ цвѣтами, кайма рамки красная, а по бѣлому полю рамки изображены зеленыя точки, вѣроятно, намекъ на тронъ слоновой кости, украшенный изумрудами. Подушка Греческой формы, овальная, зеленого цвѣта, кресты среди ея золотые, а по красной каймѣ ея точки бѣлыя — признакъ жемчуга. Подножіе при тронѣ голубого цвѣта съ красною каймою и четырьмя бѣлыми украшениями. Спущенная нѣсколько съ подушки пелена голубая, съ золотыми тѣнями. Евангеліе изображено въ бѣломъ окладѣ съ середникомъ и четырьмя наугольниками зелеными. Голубь, какъ бы стоящій надъ евангеліемъ, светло-голубого цвѣта; клювъ, подъ горломъ и крылья красные, послѣднія съ бѣлымъ. Изъ орудій страстей, посреди стоящій крестъ, голубой, также какъ и боковыя принадлежности, копье и трость. Внутри креста золотымъ очеркомъ проложенъ другой крестъ, губка на верху трости посреди красная. Содержаніе этой финифти опредѣляется краснаго цвѣта надписью, сдѣланной въ прорѣзѣ по обѣ стороны креста: **ІРЕСЪ ГІИЪ**.

Изображеніе это, по составу своему относится къ числу древнѣйшихъ предметовъ символической Византійской иконографіи. Оно представляетъ именно престоль Господень, т. е., одинъ престоль, упраздненный, безъ Спасителя, и не можетъ быть смѣшиваемо ни съ божественною трапезою,¹ ни съ другими какими нибудь изображениями. Окладъ Мстиславова евангелія, между Русскими памятниками представляетъ до сихъ поръ едва ли не единственный примѣръ того, что это изображеніе Престола Господня употреблено самостоятельно, исполнено на отдѣльной иконѣ; во всѣхъ другихъ памятникахъ оно имѣетъ посредствующее, относительное значеніе; употребляясь на иконахъ многосложнаго содержанія, оно помѣщается обыкновенно вверху изображеній, въ небесной средѣ. Такъ, на при-

¹ См. у Забѣлина, Историч. обзор. фин. и проч., стр. 38, гдѣ сказано: «изображена Св. Трапеза Престоль Господень,» и у Архимандр. Макарія въ Новгород. Церкви: древн., часть II, стр. 167, гдѣ съ ошибкой повторено: Св. Троица «Престоль Господень.»

мѣръ, на иконѣ Софїи Премудрости Божїей, древней Греческой редакціи, совершенно такого же рода престолъ Господень съ евангеліемъ, мы встрѣчаемъ окруженнымъ сонмомъ ангеловъ. На этой иконѣ, сколько можно понять, онъ указываетъ на то, что Божественная Премудрость низошла на землю, въ видѣ Сына Божїя, по изреченію евангелія — Слово плоть бысть. Быть можетъ, подь влияніемъ той же мысли помѣщена была нѣкогда эта финифть, съ изображеніемъ Престола Господня, на окладѣ Мстиславова евангелія. Между Византійскими памятниками на Западѣ мы можемъ указать два, на которыхъ тотъ же сюжетъ стоитъ столько же самостоятелно. Это богатѣйшая своими финифтями запрестольная икона св. Марка въ Венеціи, и крестъ, принадлежащій въ настоящее время Намюрской обители. На обоихъ памятникахъ изображеніе исполнено финифтью, которую знатоки относятъ къ X вѣку. Въ числѣ 83 изображеній, составляющихъ собою знаменитую икону Pala d'oro, изображеніе Престола Господня занимаетъ мѣсто въ среднемъ четырехугольничкѣ, надъ образомъ Спасителя, сидящаго на престолѣ съ евангеліемъ въ лѣвой рукѣ; признакомъ небесной среды, въ которую художникъ хотѣлъ помѣстить этотъ престолъ, служитъ его обстановка: снизу Спаситель, по сторонамъ херувимы и ангелы, которые стоятъ на отдѣльныхъ дощечкахъ, по двѣ фигуры съ каждой стороны. На золотой дощечкѣ особой формы , финифтью изображенъ четырехугольный съ рѣзными ножками престолъ съ круглою подушкою и челою, на которой лежитъ евангеліе, надъ нимъ справа на лѣво стоитъ голубь съ простертыми крыльями, обративши голову слѣва на право. Надъ нимъ держава съ крестомъ, по сторонамъ копье и трость.

Для насъ весьма любопытно мнѣніе Лабарта, ученаго, посвятившаго особое изслѣдованіе изученію Pala d'oro Св. Марка. По словамъ его, изображеніе Престола Господня, или, какъ онъ опредѣляетъ его, св. голубь на престолѣ, ¹ будучи исполнено въ X вѣкѣ, получило мѣсто на памятникѣ въ 1103 году, то

¹ Jules Labarte, *Recherches sur la peinture en émail dans l'antiquité et au moyen âge*. Paris, 1856. Разборъ этого сочиненія помѣщенъ въ Исторіи Византійской эмали Герца.

² «La Sainte colombe portant sur sa tête un globe crucigère, et dont les pieds reposent sur un trône.»

есть, какъ разъ одновременно съ написаніемъ рукописи Мстиславова евангелія и изготовленіемъ его украшеній въ Константинополѣ. На Наморскомъ крестѣ изображеніе Престола Господня помѣщено на отдѣльной же дощечкѣ, и въ верхней же части его, и исполнено съ евангеліемъ на подушкѣ, коньемъ и губкой на трости, но безъ голубя. ¹ Изъ изданныхъ въ Россіи памятниковъ изображеніе престола на крестѣ мы находимъ на рисункѣ Древностей Россійскаго Государства, изображающемъ окладъ евангелія В. Ки. Симеона Ивановича 1344 года. Евангеліе это находится въ Троицко-Сергіевой Лаврѣ. Здѣсь престолъ помѣщенъ на осмиконечномъ крестѣ и занимаетъ верхній конецъ его и средину возглавія, по концамъ котораго изображены погрудныя олицетворенія солнца и луны. Предъ престоломъ подножіе въ родѣ скамьи о четырехъ ножкахъ, за нею возвышается овальная подушка, покрытая свиснувшей пеленой, на ней крестъ шестиконечный, съ вѣнцомъ на перекрестьи, по бокамъ орудія страстей. Тотъ же предметъ изображенія встрѣчается на Русскомъ памятникѣ XII столѣтія, именно, между символическими изображеніями, высѣченными на камнѣ въ вершинѣ средняго полукружія южной стороны Димитріевскаго собора во Владимирѣ, хотя, по объясненію издателя ² того собора, онъ изображаетъ здѣсь палой съ сорочкою великомученика Димитрія. Судя по рисунку, приложенному къ этому изданію, по обѣ стороны упраздненнаго престола сидятъ, по видимому, два праотца, Авраамъ и Исаакъ, или Моисей и Ілия, а Духъ Святой въ видѣ голубя нисходитъ отъ престола на сидящую внизу его и на престолѣ въ царскомъ вѣнцѣ фигуру, которая правою рукою указываетъ на небо, а лѣвою опирается на скрижаль, стоящую на ея колѣнѣ; фигура эта по справедливости можетъ быть признана олицетвореніемъ Божественной Премудрости.

Идея Престола Господня, изображаемая иконописью, имѣетъ, по видимому, прямое отношеніе къ монументальному престолу въ нашей церкви. По крайней мѣрѣ на это указываютъ общія ихъ

¹ См. въ упомянутомъ сочиненіи Лабарта и у Дирона въ его «*Annales archéologiques*,» 1859 г.; въ первомъ, рисунокъ объясненъ такъ: «Un autel chargé d'un coussin qui porte le livre des Évangiles»; во второмъ: «Le trône divin où l'Évangile est placé sur un coussin entre l'éponge et la lance de la Passion.»

² Гр. Строганова, «Димитріевскій соборъ во Владимирѣ.» Москва. 1849. Табл. XI, стр. 10.

принадлежности, помѣщеніе за престоломъ орудій страстей. Крестъ и теперь является необходимою принадлежностью за престолами въ нашихъ церквахъ, а другія орудія страстей встрѣчаются въ указа- нійхъ книжной живописи; голубь припоминаетъ серебрянаго голубя, висѣвшаго надъ престоломъ и давшаго названіе этому мѣсту пери- стерія, голубинаго (*περιστέριον*).

Такимъ образомъ, составъ этой иконы, неся яркую печать глу- бокой древности, говоритъ въ пользу древности самой финифти, чи- сто Греческій характеръ которой проглядываетъ во всѣхъ подроб- ностяхъ ея рисунка и красокъ и, не смотря на соутствующую финифти Русскую надпись, мы, кажется, безошибочно можемъ отне- сти ее къ XI вѣку.

Четыре остальные квадрата, помѣщенные на двухъ концахъ возглавія креста и двухъ его средокрестьяхъ, съ поясными изображе- ніями святыхъ, представляютъ вѣнцы у всѣхъ святыхъ одинаковаго цвѣта, свѣтлозеленые съ красною каймою, кромѣ вѣнца Богоматери, у которой онъ исполненъ свѣтлоголубою финифтью. Кромѣ того, какъ на замѣчательную особенность въ вѣнцахъ этихъ изображеній, стоитъ обратить вниманіе на то, что по зеленому вѣнцу Апостола Петра проло- женъ едва замѣтный для невооруженнаго глаза золотой орнаментъ. Два верхнихъ квадрата заняты изображеніями двухъ первоверховныхъ Апостоловъ.

На лѣвой отъ зрителя дощечкѣ Апостоль Петръ, обращен- ный въ правую сторону, правою рукою благословляетъ, въ лѣвой держитъ закрытый свитокъ. Перстосложеніе благословляющей ру- ки замѣчательно здѣсь тѣмъ, что, кромѣ двухъ, обыкновенно подни- маемыхъ въ этомъ случаѣ на древнихъ изображеніяхъ, перстовъ, здѣсь поднять и третій, мезинецъ, конечно, не въ угоду нашимъ Старо- обрядцамъ. Одежда его обычная апостольская, свѣтлоголубая ис- подъ и синяго цвѣта верхняя риза, послѣдняя закрываетъ все лѣ- вое плечо святаго; сѣдые волосы и борода его, подходящая къ типу Николиной, весьма удачно исполнены свѣтлоголубой блестя- щей финифтью, зрачки и бровь черною. Надпись по обѣ стороны

Апостола: о п
а е
г тр
н ос
о

Два квадрата съ поясными изображеніями по концамъ средокрестья заняты иконами Богоматери и Іоанна Предтечи, въ такихъ положеніяхъ, въ которыхъ они изображаются обыкновенно въ Деисусѣ. Богородица обращена вправо, съ наклоненною главою, воздѣтыми руками; сверхъ свѣтлозеленаго съ бѣлою каймою убруса ея, на головѣ и на правомъ плечѣ бѣлые кресты, верхняя риза, покрывающая весь станъ, синяя, а проглядывающая только подъ лѣвою рукою исподъ — свѣтло-голубая; на рукавѣ одно красное, другое зеленое. Изображенію сопутствуютъ обычныя монограммы **Ѡр — Ѡв.**

Іоаннъ Предтеча обращенъ влѣво съ воздѣтыми руками, въ ризахъ цвѣта одинаковаго съ упомянутыми апостольскими, свѣтлая исподъ видна только у шеи, исподъ поднятой вверхъ правой руки, которая въ свою очередь усердіемъ художника украшена золотымъ орнаментомъ. На лѣвой рукѣ на рукавѣ голубое съ красными каймами. Согласно древнѣйшимъ начертаніямъ и указаніямъ самыхъ подлинниковъ, Предтеча является здѣсь съ длинными, на головѣ приподнятыми, а по плечамъ раздѣляющимися на косы, волосами, и съ такою же раздѣленною на четыре космы бородою. Надпись по обѣ стороны Іоанна отличается еще большею неточностью:

Ѡ І О П
 на о д
 р о
 м
 о с.

Въ ней первая буква **Ѡ** ошибкою помѣщена вмѣсто **о**, далѣе слѣдуетъ непонятное **ι**, заимствованное, можетъ быть, изъ слова *αγιος*; третья буква начинаетъ имя и слѣдующая за нею пропущена, а поставлена прямо **д** съ титломъ внизу. Такимъ же образомъ на другой сторонѣ, вмѣсто *ο προδρομος* стоитъ ошибочное *σποδρομος*. Вообще Греческія надписи этого разряда финифтей отличаются своею неточностью и едва ли могли быть исполнены образованнымъ Греческимъ художникомъ, а золотыхъ дѣлъ мастера должны бы были быть такими. Если же мы присоединимъ сюда Русскую надпись на одной изъ этихъ финифтей, которая, по характеру начертанія и красокъ, необходимо того же времени и, можетъ, той же руки, то мы, кажется, безошибочно можемъ приписать всѣ пять финифтей квадратами, по мѣсту происхожденія, Россіи, а по времени — **XI вѣку.**

Пять финифтей квадратами рѣзко отличаются отъ описанныхъ выше шести кивотцами. Не смотря на неуровненность рисунка, общую почти всѣмъ изображеніямъ Византійской иконографіи, въ исполненіи ихъ столько художественнаго, что ихъ, по справедливости, можно отнести къ замѣчательнѣйшимъ произведеніямъ финифтянаго дѣла. Соблюденіе типовъ святыхъ отличается вѣрностью; составы финифтяной массы необыкновенно прозрачны; кромѣ того, они сверху покрыты глазурью, столь упорно противостоящею времени и отличающею всѣ лучшія произведенія древняго періода; вообще работа этихъ финифтей, проникнутая усердіемъ къ своему дѣлу художника, показываетъ необыкновенную окончанность въ отдѣлкѣ мельчайшихъ подробностей, весьма удачный подборъ разнообразныхъ блестящихъ красокъ, наконецъ, желаніе художника въ извѣстной степени приблизиться къ природѣ, что особливо замѣтно въ естественности положеній каждой фигуры, въ круглости лицъ, не столь тощихъ, и близкихъ къ природѣ. Вообще можно сказать смѣло, что происхожденіе этихъ финифтей не далеко отъ времени процвѣтанія Византійской эмали; въ нихъ еще свѣжи преданія и приемы лучшихъ мастеровъ Греческой иконографіи.

Скажемъ въ заключеніе, что и эти финифти по всѣмъ признакамъ не были первоначально приготовлены для оклада Мстиславова евангелія. Составъ ихъ видимо не полонъ; кромѣ того, размѣщены они произвольно, вопреки требованій сюжета. Нельзя не замѣтить, что финифти эти входили нѣкогда въ составъ цѣлаго или полнаго Деисуса, состоящаго изъ семи лицъ, изъ которыхъ на лицо теперь только четыре: Богоматерь, Предтеча, Петръ и Павелъ, недостаетъ главнаго лица изъ Деисуса, Спасителя и двухъ Архангеловъ. Всѣ они, по извѣстному правилу, должны были на первоначальномъ своемъ мѣстѣ помѣщаться въ одинъ рядъ. Изображеніе Престола Господня остается въ такомъ случаѣ указаніемъ на другой памятникъ, потому что врядъ ли оно могло занимать мѣсто Спасителя въ полномъ Деисусѣ. Много вопросовъ рождаетъ созерцаніе этого прервосходнаго памятника, но, къ сожалѣнію, всѣ они до времени должны остаться нерѣшенными. Быть можетъ, гдѣ нибудь со временемъ отыщутся случайно остальные затерянные финифти, общія съ рассмотрѣнными нами; тогда они доскажутъ многое, что теперь представляется лишь загадкою.

Наконецъ, всѣ разсмотрѣнныя нами доселѣ финифти далеко уступаютъ въ исполненіи двумъ финифтямъ, помѣщеннымъ въ подножіи креста. По характеру чисто-Греческому надписей, по превосходной работѣ и цвѣту красокъ финифтей, по отчетливому и правильному рисунку фигуръ, по удачному исполненію едва замѣтныхъ для глазъ подробностей въ этихъ миниатюрахъ, мы должны отнести ихъ къ весьма немногимъ, лучшимъ произведеніямъ Греческой финифти, сохранившимся отъ X вѣка. До сихъ поръ мы не можемъ указать ни одного памятника въ этомъ родѣ, который бы могъ соперничать съ ними, кромѣ, развѣ, небольшого образка съ изображеніемъ распятія и предстоящихъ, найденнаго вмѣстѣ съ Рязанскими бармами.

Появленіе этихъ двухъ финифтей на окладѣ евангелія мы отнесли къ позднѣйшей перестановкѣ на томъ же основаніи, на которомъ относили появленіе шести финифтей кивотцами къ древнѣйшей, близкой къ первоначальной. Какъ послѣднимъ принадлежать существенныя мѣста на окладѣ, такъ первымъ принадлежать совершенно лишнія мѣста, именно тѣ, которыя, будучи не заняты, не составили бы вовсе значительнаго пробѣла въ древнемъ украшеніи оклада. Извѣстно, что самая форма креста, которая имѣлась въ виду при распредѣленіи финифтей оклада и, которая, чрезъ помѣщеніе въ подножіи этихъ двухъ финифтей, является осьмиконечной, форма, столь долго и несправедливо оспариваемая нашими Старобрядцами, стала господствующею формою креста только съ XVI вѣка. Къ этому же періоду, какъ мы уже видѣли, относится и окончательное обновленіе оклада. До того же времени, кромѣ древнѣйшей формы Греческаго четырехконечнаго креста, была господствующею шестиконечная, состоящая изъ возглавія и средокрестья, безъ отдѣльной части подножія, или изъ средокрестья и подножія, безъ возглавія.

Двѣ финифти, служащія лучшимъ украшеніемъ оклада, помѣщены на послѣднемъ планѣ отчасти по тому, что онѣ представляли двухъ Апостоловъ, не имѣвшихъ вообще въ украшеніяхъ окладовъ евангелій такого значенія, какъ Деисусъ; но, съ другой стороны, самая относительная неважность ихъ отчасти указываетъ на возможность явленія этихъ финифтей на окладѣ позднѣе другихъ.

Не смотря на то, что изъ всѣхъ финифтей оклада они самыя миниатюрныя ($\frac{7}{8}$ вершк. длин., $\frac{3}{8}$ шир.), они одни изображаютъ фигуры не поясными, а цѣльными стоящими.

Изъ двухъ четырехугольныхъ продолговатыхъ дощечекъ, на которыхъ финифтью представлены Апостолы, на лѣвой находимъ св. Іакова, на правой св. Варѳоломея. Святые обращены другъ къ другу, стоятъ босыми ногами на зеленыхъ подушкахъ. Одежда на нихъ обычная апостольская — свѣтлая, блѣдно-голубая исподъ и темная, синяя верхняя риза; послѣдняя спадаетъ, драпируясь въ безчисленныхъ складкахъ.

Вѣнецъ вокругъ головы Іакова голубаго цвѣта съ красною каймою. Правая рука его молебная, въ лѣвой свитокъ, волосы на головѣ и раздѣлившаяся на двѣ косицы борода чернаго цвѣта. Изъ вертикальной надписи, идущей отъ головы къ плечамъ на двухъ

о	о
і	в
а	о
к	с
—	—

узенькихъ дощечкахъ мы узнаемъ, что здѣсь изображенъ Іаковъ, по одеждѣ мы узнаемъ въ немъ Апостола, но намъ остается рѣшить, какой изъ двухъ Апостоловъ того же имени изображенъ здѣсь, Іаковъ, братъ Господень, или Іаковъ, братъ Іоанна Богослова. Первый въ позднѣйшихъ памятникахъ XVI и XVII вѣка является обыкновенно въ общемъ типѣ Святителя, второй въ чисто-Апостольскомъ. Съ другой стороны, у перваго борода Власьева съ космами на концѣ, у втораго Космина. Легко можетъ быть, что въ древнѣйшихъ памятникахъ первый является также съ типомъ апостольскимъ, безъ святительскихъ ризъ, что гораздо ближе идетъ къ дѣлу.

Помѣстимъ для сравненія выписку изъ нашего подлинника съ вариантами, въ которой описаны оба Апостола:

23 Октября: «Святаго Апостола Іакова брата Господня по плоти, Епископа бывша перваго во Ерусалимѣ; первый святитель, самъ Христосъ поставилъ его во святители; брада долъ Власьевы, на концѣ космачки, риза святительская бѣла, пробѣлъ лазорь, исподъ дичь, амфоръ, евангеліе, рукою благословляетъ, а въ другой Евангеліе.»

Въ вариантахъ этого описанія, въ одномъ подлинникѣ, о волосахъ прибавлено: власы малы; въ другомъ объ одеждѣ сказано: ризы багоръ съ бѣлилы пробѣлены лазорью, исподъ дымчатъ, бѣлъ; въ послѣднемъ такъ же, какъ и еще въ одномъ, находящемся у насъ подлинникѣ, не упомянуто о томъ, что ризы на Апостолѣ святительскія.

16 Ноября: «Святаго Апостола Іакова брата Іоанна Богослова, глава и брада, что Космина, риза верхняя празелень, исподъ лазорь, въ рукахъ свитокъ.»

30 Апрелья. «Святаго и всеславнаго Апостола брата святому Иоанну Богослову. Русь, брада долъ Космины, ризы дичь санкирь съ бѣлиломъ, исподь вохра, въ рукѣ евангеліе, правую благословляетъ вверхъ, ноги босы въ сандаліяхъ.»

Замѣчательными вариантами прочихъ редакцій являются обозначенія волосъ русыми, ризъ Апостольскими; во всѣхъ подлинникахъ безъ исключенія, черты святаго по апрѣльскому описанію опредѣлены брадою долъ Космины и одинаковыми ризами; кромѣ того, нѣкоторые подлинники въ этомъ явленіи придаютъ рукѣ свитокъ, головѣ — волосы просты.

Надпись на двухъ дощечкахъ по сторонамъ Апостола Варѣоломея повреждена до того, что мы съ трудомъ могли разобрать ее. Отъ нея сохранилась одна нижняя буква на лѣвой дощечкѣ и нѣсколько буквъ, или половина имени на правой. Вѣнецъ вокругъ главы этого святаго зеленаго цвѣта; волосы на головѣ и окладистая борода сдѣланы подъ сѣдину свѣтло-голубаго цвѣта, правую святой благословляетъ, въ лѣвой держитъ закрытый свитокъ, бѣлаго цвѣта, отъ верхней ризы обнажена только правая половина груди, одна рука и правая сторона внизу.

Помѣщенному въ подлинникахъ двукратному празднованію памяти святаго Варѣоломея соотвѣтствуютъ два совершенно особыхъ описанія святаго.

11 Іюня. «Святыхъ Апостоль Варѣоломея и Варнавы. Варѣоломей русь, брада Космина, риза празелень, исподь лазорь, во амфорѣ и свитокъ; Варнава русь аки Иоакимъ Боготецъ, риза баканъ, исподь лазорь, въ амфорѣ и свитокъ.»

25 Августа. «Возвращеніе честныхъ мощей св. Апостола Варѣоломея отъ Липариска острова во градъ Мeneвдъ; сѣдъ, брада Иоанна Богослова, риза багоръ, исподь лазорь.»

Если остатки финифтей каждаго изъ двухъ предшествующихъ разрядовъ очевидно указываютъ на цѣльба собранія, которыя составляли они въ первоначальномъ составѣ своемъ, до появленія на окладѣ, то мы имѣемъ основаніе и въ этихъ двухъ финифтяхъ видѣть остатки цѣлаго ряда финифтей съ изображеніями Апостоловъ. Главнымъ поводомъ къ этому предположенію можетъ служить случайность сопоставленія именно этихъ двухъ Апостоловъ, соименныхъ которымъ мы не встрѣчаемъ двухъ историческихъ лицъ одного, ближайшаго къ произведенію финифтей, времени. Подобнаго рода

финифти были слишкомъ цѣнны для того, чтобы не получить свое начало въ такомъ ограниченномъ количествѣ и безъ особой значительности лицъ, для которыхъ были приготовлены. Они служили, какъ извѣстно, предметами необыкновенной рѣдкости даже во время процвѣтанія финифтянаго дѣла, и потому, быть можетъ, сохранилось ихъ такъ мало. Дальнѣйшія изслѣдованія памятниковъ со временемъ рѣшатъ дѣло окончательно, но не прежде, какъ будутъ описаны и изданы одновременныя нашимъ финифти. Мы больше другихъ имѣемъ право надѣяться на это, потому что намъ случалось нападать на слѣды финифтей въ такихъ мѣстахъ, гдѣ мы ихъ менѣе всего ожидали встрѣтить, на примѣръ, внутри задѣланныхъ наглухо панатій и проч.: но объ этомъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о финифтяхъ, исполненныхъ на золотой дощечкѣ, въ которую вставленъ середникъ со Спасителемъ. Дощечка эта (длин. $3\frac{5}{8}$ вершк., шир. $2\frac{6}{8}$) представляетъ большую четверугольную, звѣздообразную, съ волнистыми сторонами, закругленными углами и профѣзнымъ въ серединѣ пятиугольнымъ, бляху, наложенную на окладъ такимъ образомъ, что углы ея приходятся противъ середины каждой изъ четырехъ линій оклада. Она прибита къ окладу осьмью золотыми штифтами, и, по всѣмъ признакамъ, сдѣлана въ Новгородѣ, въ то время, когда обновлялся окладъ, т. е., въ 1551 году. Продолговатая форма ея обуславливается, безъ сомнѣнія, такою же формою середника со Спасителемъ, который долженъ былъ занять мѣсто внутри ея.

Изображенія на этой дощечкѣ исполнены совершенно другимъ, позднѣйшимъ, способомъ производства, представляютъ другаго характера рисунокъ и Русскія горизонтальныя надписи, переходящія въ скорюпись и замѣчательныя преимущественно начертаніемъ буквы в, п.

Размѣщены изображенія между линіями середника и изгибами волнистыхъ линій бляхи; вверху и внизу Спасителя, шестокрылые Херувимы, по бокамъ его, по стоящему Архангелу, по четыремъ угламъ, по поясному въ кругахъ Евангелисту. У верхняго Херувима два заднія крыла, зеленаго цвѣта, и два переднія, опущены, два среднія, синяго, парящи, или, какъ говорятъ древнія описи, пластаны, подпись по бокамъ его, вверху: херв-кѣ. У нижняго, крылья тѣхъ же цвѣтовъ, два заднія подняты вверхъ, два переднія опущены, штифты и другія сложены вмѣстѣ, два среднія распущены по сторонамъ. Надпись: сера-онѣ. На головѣ верхняго Херувима нѣчто въ

родѣ шишака синяго цвѣта. Круглыя лица обоихъ обозначены прямо золотымъ основаніемъ дощечки съ проложенными синею эмалью частями лица.

Изъ двухъ Архангеловъ по сторонамъ Спасителя, на лѣво стоитъ Михаилъ, направо Гавріилъ, оба на зеленыхъ квадратахъ, съ преклоненными нѣсколько головами, въ однихъ рукахъ держать круги съ монограммами Спасителя (Ⓜ) (Ⓝ), въ другихъ жезлы съ шестиконечными крестами вверху. Крылья ихъ и исподнія ризы свѣтло-голубаго цвѣта, кудрявые волосы на головѣ и верхнія ризы синяго, вѣнцы кругомъ главы зеленого, остальное все цвѣта золотой дощечки съ прокладкою главныхъ очерковъ финифтью синяго цвѣта. Надписи: Ⓜ—михай, Ⓝ гавріилъ.

Изъ четырехъ Евангелистовъ, помѣщенныхъ въ двойныхъ финифтяныхъ окружностяхъ, по угламъ середника, вверху на лѣво Іоаннъ, направо Матѳеи, внизу на лѣво Маркъ, направо Лука; всѣ они въ лѣвой рукѣ держатъ Евангеліе, кромѣ Матѳея, у котораго въ правой свитокъ, у Іоанна и Марка правыя руки молебныя, у Луки простерта какъ бы въ разговорѣ. Ризы верхнія на всѣхъ синяго цвѣта, у нѣкоторыхъ, кромѣ того, видны части свѣтло-голубой исподи. Вѣнцы зеленые. Для обозначенія тѣла и тѣней оставлено золотое основаніе дощечки, проложенное въ приличныхъ мѣстахъ синею финифтью. Надписи, какъ и на всѣхъ прочихъ изображеніяхъ, сдѣланы синею эмалью; ѿіѿдѣ-ѣ гѿслѿ, ѿаматѣ — езаѿли, ѿл мѿ — епаѿли, ѿлѣ — епаѿли.

Вообще уже изъ этого описанія финифтей послѣдней запови замѣтно иное производство финифтянаго дѣла. Тогда какъ всѣ разсмотрѣнныя нами прежде финифти исполнены, соотвѣтственно разнымъ частямъ, различными цвѣтными составами въ углубленіяхъ, сдѣланныхъ въ золотыхъ дощечкахъ и въ промежуткахъ золотыхъ стѣнокъ, изображенія на этой бляхѣ исполнены всего только въ три цвѣта составами, положенными прямо на поверхность или въ весьма незначительное углубленіе золотой дощечки, посредствомъ которой обозначенъ самый цвѣтъ тѣла изображеній. Перваго рода производство финифти можно назвать вставочнымъ, инкрустированнымъ, мозаичнымъ, второе накладнымъ, наведенныхъ сверху. Произведенія перваго рода финифтянаго дѣла называются въ нашихъ старыхъ описяхъ утворенными муссією, мусссією въ финифтахъ, т. е., финифтяною мозаикою, вѣроятно, по сходству ихъ съ мозаикою,

второго, наведенными финифтью и общимъ именемъ финифтей. Послѣднія составляютъ средину между инкрустированными финифтями и собственно финифтяною живописью.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробности о финифтяномъ дѣлѣ вообще, изученіе котораго заслуживаетъ особой монографіи. Скажемъ, съ своей стороны, въ ободреніе археологамъ, что, не смотря на прекрасный трудъ по этому предмету Забѣлина, и многія сочиненія, вышедшія за границу, еще обширное поле для изслѣдованій открыто и ждетъ дѣлателей по исторіи финифтянаго производства вообще и Русско-Византійскаго въ особенности.

Изъ предложеннаго здѣсь описанія оклада Мстиславова евангелія мы приходимъ къ выводамъ, изъ которыхъ, объ однихъ еще не упоминали описатели этого оклада, о другихъ же утверждали совершенно противное. Они относятся, съ одной стороны, лишь до исторіи памятника, съ другой, до исторіи финифтянаго дѣла въ Россіи.

Припомнимъ главнѣйшіе изъ нихъ:

1. Происхожденіе современнаго оклада Мстиславова евангелія ни какимъ образомъ не можетъ быть приписано ни Константинополю, ни XII вѣку, потому что все безъ исключенія, отъ перваго до послѣдняго этого памятника, противорѣчитъ тому и другому.

2. Если Мстиславово евангеліе украшено въ Греціи окладомъ, то не тѣмъ окладомъ, который мы видимъ на немъ въ настоящее время, но другимъ, который въ формѣ своей не имѣетъ ничего общаго съ современнымъ.

3. Современный окладъ представляетъ на серебряной позолоченой сканной доскѣ разновременное и разнохарактерное собраніе финифтей, распадающееся, по характеру начертаній, формату и подписямъ, на четыре главныхъ разряда. Двѣ золотыхъ дощечки формата продолговатаго четырехугольника, съ изображеніями двухъ стоящихъ Апостоловъ, X столѣтія; пять квадратныхъ дощечекъ, съ изображеніемъ Денсуса и Престола Господня, XI столѣтія; шесть дощечекъ пятиугольныхъ, съ острымъ угломъ вверху, изображающихъ Спасителя и пять мучениковъ, XII столѣтія; заплата, окружающая середникъ, съ изображеніями поясныхъ евангелистовъ, херувимовъ и стоящихъ архангеловъ, XVI столѣтія.

4. Судя по сохранившимся на самомъ окладѣ даннымъ, можно допустить три существенныхъ видоизмѣненія его формы: окладъ первоначальный, отъ котораго остались, быть можетъ, только двѣ финифти X-го столѣтія; окладъ позднѣйшій XVI-го столѣтія, дошедшій до нашего времени; окладъ, средній между этими двумя, служившій основаніемъ для современнаго большинствомъ сохранившихся финифтей и самымъ способомъ ихъ размѣщенія. Его отнести можно къ XIII столѣтію.

5. По очевиднымъ внѣшнимъ признакамъ и по сюжетамъ своимъ всѣ финифти, будучи наложены на окладъ современный не въ Греціи, а въ Россіи, до помѣщенія своего сюда, первоначально имѣли другое, болѣе самостоятельное, назначеніе. Шестъ финифтей служили запонами великокняжескимъ бармамъ, пять составляли, или цѣлый Деисусъ, тогда недостающая дощечка должна быть съ изображеніемъ пояснаго Спасителя, или были размѣщены по концамъ креста, тогда недостающее изображеніе падаетъ на Распятіе; двѣ четырехугольныхъ финифти этого оклада указываютъ на цѣлый рядъ Апостоловъ, который могъ имѣть мѣсто въ первоначальномъ окладѣ.

6. Только двѣ послѣднія финифти, съ изображеніемъ Апостоловъ, какъ произведеніе Византійскихъ фабрикъ, не могли быть сдѣланы въ Россіи; прочія легко могли получить свое начало и въ Россіи, одни подъ влияніемъ Греческихъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, другія непосредственно отъ Русскихъ мастеровъ.

7. Пребываніе на окладѣ чисто-Византійскихъ финифтей X столѣтія можетъ служить доказательствомъ, вмѣстѣ съ другими подобнаго рода памятниками, каковы, на примѣръ, образокъ съ распятіемъ изъ Рязанскихъ бармъ, круглый образокъ Спасителя, заключенный въ панагіи Благовѣщенскаго собора, четырехугольная панагія съ изображеніемъ Сошествія во адъ, находящаяся въ томъ же Московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ, и нѣкоторыя другія неизданныя финифти, что въ Россіи въ то время, и даже съ распространеніемъ Христіанства, были уже распространены финифти, хотя и не въ большомъ количествѣ. Пребываніе Греко-Русскихъ финифтей XI и XII стол. указываетъ на существованіе въ Россіи самаго производства финифтянаго дѣла, подтверждаемое отрывочными указаніями на то Русскихъ лѣтописей. Финифти XVI столѣтія, изготовленные въ Новгородѣ,

указываютъ на то, что даже до самаго этого періода финифтяное дѣло продолжало воздѣлываться въ значительныхъ городахъ Россіи.

8. Первоначальное назначеніе шести финифтей кивотцами этого оклада указываетъ намъ на то, что еще въ глубокой древности финифтяное производство не ограничивалось въ Россіи исключительнымъ назначеніемъ украшать храмы, но служило и для украшенія великокняжескихъ одеждъ и могло имѣть болѣе обширный кругъ потребителей, что подтверждается также другими памятниками, Рязанскими бармами, древнѣйшими финифтяными серьгами, кольцами и проч.

Этими замѣчаніями, истекающими изъ непосредственнаго изученія одного памятника, считаемъ приличнымъ ограничить первую часть нашего изслѣдованія; въ слѣдующей статьѣ мы будемъ имѣть случай сообщить еще нѣсколько фактовъ по исторіи финифтянаго дѣла въ Россіи.

Г. Филимоновъ.